

МАЙКЛ СИЛЬВЕРСТЕЙН

Уорфианство и лингвистическое воображение нации*

В центре внимания моей статьи находятся два важных текста лингвистической идеологии: один написан Бенджамином Ли Уорфом, другой — Бенедиктом Р. О'Горманом Андерсоном. Я хочу показать, каким образом анализ Уорфом семиотических механизмов языковой идеологии может помочь нам понять то, что вызывает вопросы относительно серьезной зависимости Андерсона от языка при моделировании культурной феноменологии национализма.

Имя Уорфа разделило судьбу имен многих врачей, которые первыми предложили дифференциальный диагноз, поскольку состояние или «болезнь», диагностированная им, теперь носит его имя — *уорфианство* с более нейтральной формой прилагательного — *уорфианский*¹. В лингвистической

* Michael Silverstein. Whorfianism and the Linguistic Imagination of Nationality // *Regimes of Language: Ideologies, Politics, and Identities* / Ed. by P. Kroskrity. Santa Fe: School of American Research Press, 2000. P. 85–138.

Эта статья, которая приобрела свой окончательный вид в 1998 году, прошла большой путь: от обычных лекций в Чикагском университете до предоставления более ранних самиздатовских версий по специальным запросам. Первоначально некоторые положения этой статьи были изложены в докладе «Воображение наций», прочитанном 16 января 1992 года на семинаре профессорско-преподавательского состава Среднего Запада по теме «Национализм: старые и новые» благодаря любезному приглашению Элизабет Чандлер, которая ныне занимает пост помощника директора Грэхемской школы общих исследований при Чикагском университете. В 1994 году при обсуждении чернового варианта этой статьи на семинаре Школы американских исследований в Санта-Фе в качестве оппонента выступал Джозеф Эррингтон. Кроме того, я благодарен тем, кто дал свои письменные комментарии относительно отдельных аспектов более ранних набросков, которые оказались очень полезными при написании этой статьи: Джону Р. Боуэну, Сьюзен Гэл, Джону Д. Келли, Джону А. Люси, Стивену О. Мари, Ричарду Дж. Парментайеру, Элизабет Р. Ванн, Джеймсу М. Уилсу и двум анонимным рецензентам из издательства Школы американских исследований.

¹ Заметим, что метафорические словосочетания для обозначения болезней с существительным — *болезнь Уорфа*, *синдром Уорфа* и т.д. — использовались наряду с такими словосочетаниями *уорфианская болезнь*, *уорфианский синдром* и т.д. Притяжательные формы с существительным нейтрализуют грамматическое различие между обозначением носителя болезни или диагнозом, который, подобно автору сочинения или создателю полотна или скульптуры, дал ей имя.

литературе эти термины обычно использовались в уничижительном смысле из-за печальной, хотя и понятной истории стимулированных Уорфом психолингвистических исследований в бихевиористские 1950-е годы, на смену которым сразу же пришла эпоха неистово догматического анти-«релятивизма», связанного с именем Ноама Хомского. В результате имя Уорфа связывали с более ранним, неправильно понятым уорфианством, что сам Уорф считал бы еще одним симптомом болезни².

В этой статье я попытаюсь изложить три основные линии теоретической аргументации, встречающиеся в сочинениях Уорфа, и рассмотреть то, что оказывается наиболее важным при анализе лингвистической идеологии. Затем я обращусь к блестящей небольшой книге Бенедикта Андерсона «Воображаемые сообщества» (Андерсон 2001), в которой рассматриваются условия становления национализма идеологической силой и его сохранения и распространения в качестве культурной формы. И эта работа является классическим примером уорфианской мысли. Суть в следующем: хотя андерсоновское объяснение возникновения национализма признает определяющую роль языка как средства и даже прообраза этого культурного состояния, само по себе оно является разновидностью уорфианской конструкции, свойственной этому состоянию, концептуальным следствием лингвистических условий, на которых оно основывается.

Три уорфианские темы и причины их возникновения

Начнем с Уорфа (1897–1941), столетие со дня рождения которого мы отметили в 1997 году. В настоящее время вокруг Уорфа благодаря усилиям многих поколений сложилась интертекстуальная система проективных искажений, сопутствующих различным «манерам речи» о языке в целом ряде дисциплин.

Боасовское интеллектуальное окружение Уорфа

Сам Уорф принадлежал к поколению выдающихся лингвистов, испытавших влияние антропологии. Наиболее продуктивными в профессиональном отношении были 1930-е годы, последнее десятилетие его жизни, когда он вошел в сообщество ученых, которое с 1931 года создавалось вокруг Эдварда Сепира в Йеле. Придя в антропологическую лингвистику благодаря интересу к иероглифам майя, Уорф проявил себя блестящим ученым, о чем свидетельствуют его непревзойденные подробные лингвистические описа-

² Подробнее о теоретической работе Уорфа и причинах ее явного непонимания более поздними авторами см.: (Silverstein, 1979. P. 193–203; 1987. P. 21–22; Lucy, 1985; Lucy and Wertsch, 1987) и особенно: (Lucy, 1992b). По мере того, как все большее число людей вновь обращается к действительным сочинениям Уорфа, потрясение от того, что казалось устаревшим или преодоленным, см., напр.: (Pinker, 1994. P. 59–67), находит свое проявление в непрерывной череде статей по этой теме (см., напр.: Smith 1996). В то же самое время по-прежнему не наблюдается недостатка в невежественных трактовках, выдаваемых за адекватную интеллектуальную историю, см., напр.: (Koerner, 1992).

ния языков хопи, ацтеков, шауни и других американских индейцев, см.: (Whorf, 1946a; 1946b; 1956c[1940])³. На самом деле Уорф оказался, возможно, единственным коллегой Сепира, который теоретически овладел и смог последовательно применять абстрактный понятийный аппарат и методологические (аналитические) предписания, распространенные в американской дескриптивной лингвистике 1930-х годов.

Уорфу, занимавшемуся одновременно научной и коммерческой деятельностью, удалось доступно изложить богатый опыт совместного предприятия поколения, которое вело дескриптивно-лингвистическую работу с языками индейцев. Он пересказал различные боасовские трюизмы из этого опыта и пошел дальше: долгие размышления над эйнштейновской физической «относительностью» (Hibbard, 1991) привели его к выводам в области, которую мы можем назвать «релятивистической эпистемологией», основанной на понимании современной научной грамматикой связи между структурой языка и культурными суждениями относительно его употребления. Но наставником Уорфа был не Сепир, который кодифицировал и идеологически оформил тогдашнюю лингвистику, опиравшуюся на боасовский релятивизм, занятый методологическими вопросами, а Леонард Блумфилд с его работой «Язык» (1933), в которой тот глубоко переработал «Курс общей лингвистики» Соссюра (1916)⁴. И при чтении сочинений Уорфа этим обстоятельством не следует пренебрегать.

Иными словами, Уорфа интересовали такие восходящие к Боасу вопросы антропологии и лингвистики, как структурное многообразие определенных языков, проблема определения грамматических (или «понятийных») категорий особых лингвистических структур (и сравнение их в соответствующей типологической схеме); изучение глубокой лингвистической истории (сравнительная и историческая лингвистика) Северной и Средней Америки с целью установления языковых «семей», например, юто-ацтекской семьи, на которой специализировался он сам, и разъяснения для более широкой аудитории в социальных науках и не только — особенно вне университетской среды — значимости открытий этих специализированных исследований для того, что Боас (Boas, 1928) назвал «современной жизнью». Но изложение этих проблем у Уорфа основывалось на глубоком понимании блумфилдовской лингвистики, которой он превосходно владел, хотя в то же самое время подозрительно и даже враждебно относился к взглядам Блумфилда в других вопросах⁵.

³ На те работы Уорфа, которые были переизданы Джоном Б. Кэрроллом в книге избранных сочинений под его редакцией в 1956 году, дата переиздания ставится в квадратных скобках вслед за годом первоначальной публикации или, в случае рукописей, годом, когда они, по мнению Кэрролла, были написаны.

⁴ Разъяснение отношения Блумфилда к Соссюру и самозванным последователям Блумфилда см. в большой рецензии на избранные работы Чарльза Хоккетта: (Silverstein, 1978) и особенно письмо к Дж. Милтону Коуэну на странице 29. См. также: (Joseph, 1989).

⁵ Ср. с сегодняшним положением серьезного социального лингвиста, вероятнее всего, воспитанного на формализме Хомского, но безоговорочно отвергающего философские и психологические взгляды Хомского!

В Блумфилде сочетались венский позитивист (воссозданный им самим по образу и подобию Рудольфа Карнапа и Отто Нейрата), бихевиорист (отдавший должное своему покойному другу Альберту Вайсу и традиции немецкой теоретической мысли) и страстный философский операционалист (надеявшийся сделать для лингвистики то, что Перси Бриджмен и другие сделали для физики).

В области философского позитивизма Блумфилд (Bloomfield, 1936) утверждал, что знание материи (массы) во времени и пространстве и знание самостоятельного синтаксиса составляют основу всей познаваемой «реальности», включая реальность, стоявшую за общепринятыми метафизическими представлениями о человеческом «разуме», которые лингвистика собиралась редуцировать в специальном, логико-философском смысле научной редукции, в соответствии с венским «*Aufbau*»

В области психологического бихевиоризма Блумфилд утверждал, что всякая структура, которая определяет человеческое взаимодействие, основанное на стимулах и реакциях, образует нестойкий психобиологический клей, соединяющий отдельных представителей вида в общества и другие, менее прочные, социальные образования. Для решения проблемы человеческого разума нам необходимо только понять, во-первых, основные закономерности усиления и ослабления воздействия стимулов, реакциями на которые, по видимому, оказываются языковые формы, и, во-вторых, каким образом сами лингвистические формы могут служить стимулами, на которые реагирует индивид. В своем стремлении к самопознанию человеческий разум казался связанным с особыми *априори* интенциональными, историческими, диалектическими или социокультурными принципами, которые невозможно связать с отдельным человеческим биологическим организмом. Блумфилд считал это простым невежеством и называл уничижительным словом «мнение»⁶.

Наконец, в области научной метатеории Блумфилд, подобно всем приличным операционалистам, придерживался опубликованных им в 1926 году «постулатов» лингвистики как науки (Bloomfield, 1987a); подробнее см.: (Silverstein, 1978). Эти «постулаты» представляли собой совокупность недоказуемых, но минимально важных и необходимых эвристических «рабочих методов», обозначающих логически допустимые операции синхронического и диахронического лингвистического анализа, на которых основывается наша научная убежденность в существовании эмпирических явлений, составляющих предмет изучения (вещи и состояния, связанные с такими вещами). Таким образом, все лингвистические явления должны были стать абстрактными и, тем не менее, операционально выделяемыми объектами — операционализируемыми в виде классов эквивалентности в соответствии с правилами распределения, — которые никогда не переживаются непосред-

⁶ Как можно забыть блумфилдовское описание таких взглядов — общих для Боаса, Сепира и большинства учеников последнего, ср.: (Silverstein, 1986) — как «обрывков средневековой спекуляции, остающихся тяжким бременем для науки и иногда препятствующих ее развитию» (Bloomfield, 1987d. P. 278)?

ственно в ощущениях; операциональные постулаты служат для лингвиста эквивалентом лабораторных приборов, позволяющим изучать непознанное. Таким образом, лингвист мог обсуждать (или «моделировать», как мы бы теперь сказали) такие «вещи» (лингвистические единицы) в «структурные» отношения при изучении основополагающих грамматических закономерностей. Лингвист понимает, что такие закономерности являются нормами, на которых основаны отдельные явления стимула-реакции, когда лингвистические шумы или их эквиваленты играют роль стимула или реакции.

Уорфу прекрасно удалось использовать блумфилдовский концептуальный и аналитический словарь для изложения природы лингвистической структуры. (Когда Уорф пишет «таксема», «тагмема», «морфема» или «значение класса», он прекрасно понимает, о чем идет речь, так как он знаком со знаменитой работой Блумфилда и использует эти термины соответствующим образом). Тем не менее его научная и философская позиция, в сущности, вся система его убеждений, отчасти восходящая к непоколебимой новоанглийской духовности; см.: (Rollins, 1972; 1980), состоит не в этом. Открытие им боасианства в окружении Сепира позволило ему вновь озвучить дурные предчувствия относительно научного модернизма (уже давно высказанные в полемике против моргановской эволюционной генетики, эйнштейновской специальной теории относительности и так далее), которые специально излагались в виде выводов лингвистики относительно более широкого релятивистского и узнаваемого антропологического представления о человечестве и особенно человеческом *Geist* или «духе в социально-исторической “действительности”». Итак, есть три основные темы, каждая из которых по-своему перекликается с рассуждениями Боса и Блумфилда⁷.

⁷ Предшествующие поколения не в состоянии были понять эту особенность уорфианской мысли. Безусловно, неспособность осмыслить сочинения Уорфа в особом контексте интеллектуальной и социальной истории связана с неудовлетворительным состоянием историографии лингвистики. Но даже тогда, когда работы Уорфа стали вновь — посмертно — доступными благодаря публикации в 1949 году «Четырех статей по металингвистике», интеллектуальный климат и в официальной, и в научной политике изменился настолько, что рассуждения Уорфа перестали быть понятными даже благожелательно настроенному Джорджу Трейджеру, воздавшему должное своему бывшему йельскому приятелю и научному сотруднику (Whorf and Trager, 1937). В результате, вместо того, чтобы рассматривать область «мета»-лингвистики (Трейджер использует этот термин по отношению к тому, что лежит за пределами явлений, за которые отвечают («микро-»)лингвистика как таковая и «паралингвистика»), эти переизданные статьи касаются двух уорфовских тем, что заставляет считать его последователем Блумфилда конца 1930-х годов.

Кроме того, ко времени, когда университетская и не только университетская читающая публика столкнулась с более полными избранными работами Уорфа в 1956 году (название сборника «Язык, мышление и реальность» было предложено редактором, педагогическим психологом Джоном Б. Кэрроллом; по иронии судьбы этот сборник вышел в издательстве Массачусетского технологического института), в лингвистике и опирающейся на бихевиоризм экспериментальной психологии господствующие позиции занимало пост- и необлумфилдианство. Мир науки о поведении тогда возлагал надежды на развитие «когнитивистского» движения, начало которому было положено в 1957 году публикацией его основополагающего текста, «Синтаксических структур» Хомского. Обстановка настолько отличалась от той, в которой жил и писал Уорф, что тем, кто ныне занимаются изучением языка и «мышления», трудно понять, какими были три интересовавшие его темы.

Лингвистика как обобщающая сравнительная наука

Первая тема Уорфа связана с радостным утверждением — еще более сильным, чем у Леонарда Блумфилда, — лингвистики в качестве социальной «науки», очень важным для Уорфа, пришедшего в эту область знаний из прикладной химии, которой он занимался в обществе страхования от огня. В статье «Лингвистика как точная наука» — второй из трех статей, написанных им для читателей «Технологического обозрения» из числа бывших питомцев Массачусетского технологического института, — Уорф (Whorf, 1956d) показывает, что взаимное дистрибутивное составление формальных единиц — фонем — в фонологической структуре английских слов весьма предсказуемо. Тем самым он демонстрирует силу блумфилдовского метода, опиравшегося на сосюрвовское представление о структуре языка как о правилах «синтагматического» составления классов эквивалентности или «парадигм» более простых лингвистических форм. Подобно химической формуле, символическая формула английских односложных слов, которые встречались, встречаются или могут встретиться в этой грамматической системе, может быть построена в виде формально символизируемого обобщения структуры этого особого языка. Такие обобщающие описания на всех уровнях лингвистической структуры и являются целью «лабораторной» работы лингвистов с лингвистическими консультантами («информантами», согласно выражению времен Уорфа), причем не только отдельного языка, но и всего Языка. В своих последних беседах с людьми, которые не были специалистами в области лингвистикой (но были специалистами в мире не вызывающей сомнений «науки»), он, кажется, восторженно поддерживает блумфилдовский перенос на лингвистику представления венских позитивистов о мире как о том, что можно редуцировать к двум видам сил:

Нам теперь известно, что силы, изучаемые физикой, химией и биологией, важны и значительны. Но обычно люди не догадываются, что силы, изучаемые лингвистикой, так же важны и значительны, что ее принципы лежат в основе всякого согласия и взаимопонимания между людьми и что рано или поздно она займет место судьи, тогда как другие науки будут представлять на ее суд результаты своих исследований, чтобы выяснить, каково их значение. Когда это время наступит, у лингвистики появятся такие же большие и хорошо оснащенные лаборатории, какие есть у других точных наук (Whorf 1956d[1940]. P. 232).

Уорф выступал с такими иронически-завистливыми и насмешливыми замечаниями об этих дисциплинах в конце десятилетия Великой депрессии перед научно-технической аудиторией, по мнению которой незримость языковых «сил» Уорфа контрастировала с очевидностью атомных и субатомных — «относительно» концептуализированных — сил. В конечном счете, грядущая Вторая мировая война и Манхэттенский проект сделали последние более заметными для широкой публики, а не только для физиков, химиков и инженеров.

В этой первой уорфианской теме метафорический и буквальный словарь «относительности» был уорфовским способом изложения идеи, общей для всей боасовской лингвистики, практикуемой Блумфилдом, а также Сепиром и его учениками. Мы можем подытожить ее основные идеи следующим образом: 1. Грамматические категории каждого отдельного языка можно выявить

только в результате анализа распределительного «складывания» или «упорядочения» формальных единиц друг с другом, как в предложенной Уорфом формуле, выявляющей все возможные слоговые структуры для односложного слова в английском языке, см. также: (Блумфилд, 1968. С. 158–165). Таким образом, происходит проецирование структуры на неанализируемые иным образом лингвистические формы, если исходить из того, что лингвистическая форма должна строиться в соответствии с алгеброй композициональности.

2. Такие категории, выделяемые нами при помощи лингвистически-аналитических методов, отличаются от одного языка к другому в зависимости от распределительной структуры каждого языка. Это различие зависит от структуры, но проявляется в том, что очевидные категоризации мира опытной или воображаемой «реальности» по-разному проецируются на лингвистическую форму в отдельных языках, см.: (Voas 1911. P. 24).
3. С точки зрения таких конвенциональных грамматических категорий, основополагающая онтическая догадка о простых и сложных составляющих мира денотации — одним словом, «метафизика» — появляется и становится в определенной степени постижимой теми, кто использует определенный язык. В таком случае каждый язык, по-видимому, содержит в себе неявную онтологию в качестве функции структурных факторов картирования/проецирования мира «реальности», самобытность и нелингвистическое проявление которого становятся важнейшими проблемами.
4. Таким образом, становится возможной концептуализация градиентно эквивалентных конструктивных обозначений экстенциональной «реальности» — на самом деле семиотически неразличимых приложений интенциональных лингвистических репрезентаций к миру предлингвистического опыта, принимая во внимание то, что они соответствуют различным структурным отправным точкам, как в двух «языках», отличающихся по своим основополагающим грамматическим категориям и способам их сочетания (несмотря на использование их носителями языка для достижения сопоставимого денотативного своеобразия)⁸. Это позволило бы нам осуществлять «перевод» с одного структурно отличного языка на другой принципиальным и теоретически обоснованным образом, избегая простых куайновских недомолвок, догадок и другие недостатки «радикального перевода».
5. Поэтому развитие лингвистики как области сравнительного грамматически-категориального анализа представляет собой предпосылку для изложения природы «относительности» грамматически-онтологических категорий различных языков и связанных с ними культур. На этой основе можно создать научную, рациональную и потенциально универсальную систему понятийного взаимопонимания.

⁸ Заметим, что такое представление об «экстенционально эквивалентной», но «интенционально неэквивалентной» структуре языка играло ключевую роль в аналитической философии Куайна, (напр.: Куайн, 1994; 2000), Крипке (особ.: Kripke, 1972) и Патнэма (напр.: Putnam, 1975; 1987). По иронии судьбы, Куайн видит трудность в представлениях Уорфа о референции, а Патнэм использует отсутствие интенциональной/экстенциональной ясности для того, чтобы предложить в высшей степени «космографическую», см.: (Silverstein, 1986. P. 69–73) и социоцентрическую теорию референции.

*Понятийная «относительность», основанная на «научных»
грамматических категориях*

«Обнаруживается относительность всех понятийных систем, в том числе и нашей, и их зависимость от языка», — говорит Уорф своим коллегам по Массачусетскому технологическому институту в «Науке и языкознании» (Уорф, 1960б[1940]. Р. 176). Он вкратце излагает боасовское (а также сепировское и блумфилдовское) представление о равном статусе всех языков как о свидетельстве «своеобразия человеческого разума» в отношении к эмпирической (или экстенциональной) реальности; то же, что «языки расчленяют мир поразному» на интенциональном уровне, проявляется в различиях грамматически-категориальных структур. Он говорит о существовании в одном языке непосредственно кодированных категориальных различий для некоторых областей концептуализируемых естественных явлений, отсутствующих в другом языке. Показательный пример — кодирование событий, внешне состоящих из циклических повторений, «естественным образом» совершающихся в языке индейцев хопи, который отличается от грамматической категориальной структуры, кодирующей эти явления в «стандартных среднеевропейских» языках наподобие английского, и в то же самое время оказывается более близким к определенной модели этих явлений, построенной при помощи точной формально-теоретической понятийной структуры буквенно-цифровых «реальных» физических наук, знакомой его читателям⁹.

В своих менее специальных работах — таких как «Наука и языкознание» (Уорф, 1960б[1940]) и «Лингвистика и логика» (Уорф, 1960а[1941]), — Уорф использовал лингвистический метод приведения примеров из иностранных языков и последовательного их объяснения. Это позволяет почувствовать своеобразие категориальной структуры, которую можно было бы проанализировать более серьезно, попытавшись лексически сосредоточиться на последовательном (морфема за морфемой) приведении формы иностранного языка к языку читателя. Так, Уорф попытался выявить некую грамматически-категориальную структуру сложных морфологических конструкций в полисинтетических и сливающихся языках Северной Америки, выделив область денотативной значимости каждой части сложной словоформы при помощи знакомых слов или словосочетаний разговорного английского языка, а не точной грамматико-семантической терминологии. Так, категория «множественного» числа (в отличие, скажем, от «единственного» или «двойственного» в трехчастной парадигме различения «числа существительных») объясняется Уорфом при помощи этого метода лексического приведения через выражения «много» или «больше двух». Конечно, подобное объяснение не обладает теоретическим или методологическим статусом в научном

⁹ Сравните подачу известий (и реакцию публики на них) о том, что в народную фармакопею определенной группы так называемых примитивных народов входят лекарственные средства, которые имеют в своем составе «активные ингредиенты», равноценные тем, что используются в медикаментозном лечении, основанном на науке, и вы почувствуете риторичность этой миссионерской аргументации, которую Боас, Сепир и Уорф старательно развивали по отношению к лингвистически-когнитивным богатствам мира.

метаязыке боасовской или любой другой структурно проработанной лингвистики; этот короткий путь мы используем до сих пор, пытаясь через перевод того, что Уорф называл простыми «лексациями», донести две лингвистические структуры до сознания наивного непрофессионала¹⁰.

В более специальных работах, предназначенных для его коллег-лингвистов, Уорф ясно дает понять, что имеет дело со сложными формами грамматических категорий, восходящими к блумфилдовской формализации грамматических структур. С этой точки зрения, видимые, длительно переживаемые лингвистические формы – то, что теперь принято называть «внешне сегментируемыми формами», – представляют собой «лексические» выражения («лексации» у Уорфа), от самых малых сегментируемых частей слов до максимального словосочетания, предложения, с которыми связаны определенные денотативные значения. Однако из каждого такого лексического выражения можно извлечь его грамматическую организацию, описываемую с точки зрения фонологического и морфосинтаксического (или более узкого «грамматического») уровня структуры. Чтобы выявить грамматическую структуру, соответствующую (имманентную или «свойственную», как мы теперь говорим) каждому отдельному лингвистическому выражению, аналитик, как и наивный носитель языка, должен знать грамматическую структуру всего языка (см. выше пункты 1 и 2 об относительности системы картирования между грамматической формой и смыслом).

В свою очередь знание таких грамматических структур отдельных языков в эмпирической лингвистической науке связано с тем, что мы знаем о грамматических образцах вообще. Открытие новых форм таких образцов в отдельных языках способствует постоянному пересмотру нашего знания об образцах вообще в мировом масштабе. Такое общее знание Уорф назвал «общей наукой грамматики» (мы теперь называем его «универсальной грамматикой» или «изучением лингвистических универсалий»). Далее он отмечает:

Только в этом смысле можно говорить о категории пассивного залога, долженствующей вобрать известные под этим названием формы английского, латинского, ацтекских и других языков. Такие категории или понятия можно назвать *таксономическими* в их противопоставленности *дескриптивным* категориям. Выделяются таксономические категории первой степени (например, пассивный залог, косвенный падеж), а также второй степени, например, падеж, залог. По-видимому, именно категории второй степени особенно важны и в конечном счете представляют наибольшую ценность как лингвистические понятия, поскольку они являются обобщениями наиболее широких системных образований и принципов, находимых в языках, когда язык рассматривается и описывается как достижение всего человечества (Уорф, 1972. Р. 59–60).

Таким образом лингвистика стремится в «универсальном» масштабе «выстроить» отдельные лингвистические системы при помощи системы таксономических категорий.

¹⁰ Поздние критики Уорфа (Lenneberg, 1953. Р. 464–466; Вайнрайх, 1970. Р. 188–189; и другие) глубоко неверно понимают природу уорфского объяснения как педагогического приема, предназначенного для несведущих в лингвистике. Они, не скрывая своей враждебности, полагают, что он не понимал различия между объяснением лексаций, с одной стороны, и чувствительным к структуре и грамматически осмысленным переводом, с другой.

Заметим, что Уорф противопоставляет научную лингвистику со всей ее теоретической, методологической и формально-операциональной спецификой распространенным представлениям о языке, которые он называет «обывательским» представлением о своем собственном языке в сравнении с языками других народов и которые он считает наивными и ненаучными. (Не стремился ли Уорф, обращаясь к читателям «Технологического обозрения», лингвистическим обывателям из «других точных наук», заставить их таким образом задуматься о привычных представлениях?) По словам Уорфа, такие распространенные представления считают лингвистическую структуру «второстепенным» явлением и обращают внимание на то, насколько хорошо лексические выражения отдельного языка соответствуют «реальности», которую они обозначают. Обыватель сравнивает референциальную и предикативную «правильность» или «точность» двух или более языков при помощи очень ограниченных и ненаучных терминов, пытаясь объяснить одно лексическое выражение при помощи другого, отыскивая сходства и различия в разных языках.

Напротив, систематическое научное изучение грамматически-категориальной структуры показывает, что действительно изменяется, а что остается неизменным при переходе от одного языка к другому, от одной имплицитной онтологической системы категорий референции к другой. Лингвистика должна создать систематическую и научную основу, структуру уорфовских «таксономических категорий», для изложения, по удачному выражению Куайна (Куайн, 1994), теории онтологической относительности.

Культурный «разум» в строении языка

Итак, вторая самостоятельная уорфианская тема связана с объяснением явного несоответствия между обыденными представлениями о «языке» вообще и отдельных «языках» в частности и научными представлениями лингвиста о языке вообще и определенных категориальных структурах, приписываемых этим языкам лингвистами, незнакомыми со взглядами носителей языка.

К обывателям Уорф относит многих — от рядовых выпускников Массачусетского технологического института до (поименно) Ч.К. Огдена, Г.Дж. Уэллса и других исполненных благих намерений любителей лингвистики 1930-х годов¹¹. Как и почему возникает обыденное стремление к (простой) лексации и (простому) объяснению, несмотря на присущее языку богатство взаимопересекающихся категориальных структураций? Если, как говорит лингвистика, такая структурация представляет собой «основной» фактор, позволяющий тем, кто использует язык, то есть, как отмечает Уорф (Уорф, 1960б. Р. 173–174), всему человечеству, применять язык

ко всем видам нашей деятельности, связанной с речью и достижением взаимопонимания, — во всякого рода рассуждениях и аргументации, в юриспруденции, дискуссиях, при заключении мира, заключении различных договоров, в изъяснении общественного мнения, в оценке научных теорий, при изложении научных результатов...

¹¹ Перефразируя остроумие Сепира о денотативной эквивалентности (Сепир, 1993в. Р. 194), Уорф стремился показать, что Огден и средний коммерческий лексикограф имеют одинаково невежественные представления о структуре и функциях языка.

независимо от того, используются ли при этом математические или какие-либо другие специальные условные знаки или нет.

Если такие явления лежат в основе всего этого, как человеческий разум может не знать о них? Насколько глубоко человеческая интенциональность способна постичь собственный и — через краткое, поверхностно-лексиационное объяснение — чужой язык?

Боас и Блумфилд отмечали эту изначальную ограниченность лингвистического сознания. Боас поднимает эту проблему в своем «Введении» к «Справочнику по языкам американских индейцев», подробно рассматривая «бессознательный характер языковых явлений» (Boas, 1911. P. 67–73), предполагающий существование категориальных явлений, анализируемых как часть грамматических описаний и истории языка, которую те, кто его использует, не способны правильно понять и постичь на метауровне. Рассматривая «вводящие в заблуждение и вызывающие обеспокоенность факторы вторичных объяснений», которые появляются из осознания носителем языка таких категориальных явлений, Боас приводит множество примеров, показывающих, что сознание носителя языка сосредоточено на том, насколько лексические выражения, слова и словосочетания соотносятся с вещами и состояниями, которые они, по-видимому, обозначают. Он утверждает, что, с точки зрения исследователя, незнание носителем языка самого этого языка связано с культурными практиками в функциональном и историческом отношении, играя определенную роль во «вторичной рационалистической попытке [носителя языка] объяснить обычай, который в противном случае остался бы необъясненным» (Boas, 1911. P. 69) — за исключением, я бы добавил, антропологической теории.

Такие вторичные рационализации людьми своих обычаев, которые в иных обстоятельствах остались бы неосознанными, оказываются, по Боасу, основной культурной составляющей объектов исследования большинства областей этнологии, а не только лингвистики. Тем самым вследствие отказа от «подлинной истории» человеческого мышления в немецкой неокантианской традиции (из которой и вышел высокомерный Боас) и от значительных обобщений общечеловеческого масштаба, становившихся, по мере развития негативно критической аргументации Боаса, все более безнадежной задачей для антропологии, язык занял особое место среди всех объектов антропологического исследования¹².

Приняв позу самодовольного ученого, Блумфилд также поднимает проблему, заключающуюся в отношении сознания носителя языка — по большей части ограниченного лексацией и последовательным объяснением — к тем глубоким различиям форм/классов в сосюрговской грамматической системе, которые он называет формально очевидными «категориями» морфоло-

¹² В конечном итоге, Боас отчаялся дать даже «подлинную историю» неписанных американских языков, которая, с его точки зрения, была просто историей вынужденного ареального заимствования, что свидетельствует о его незнании сравнительно-исторического метода и неспособности увидеть за деревьями лес; см.: (Boas, 1940a; 1940b).

гической системы грамматики, областью слова-структуры. В «Языке» (Блумфилд, 1968. С. 298–299) он отмечает:

Категории языка, особенно те, которые затрагивают морфологию (book «книга» : books «книги», he «он» : she «она»), настолько всепроникающи, что любой человек, стоит ему только начать изучать свой язык, обязательно заметит их. В обычном случае этот человек, зная только свой родной язык или еще какие-либо другие, ему близкородственные, может ошибочно принять категории своего языка за универсальные формы речи, или «человеческого мышления», или даже самого мироздания. Поэтому значительная доля того, что считается «логикой» или «метафизикой», представляет собой не что иное, как неумело перифразированные основные категории языка, родного для того или иного философа... Наши знания об окружающем мире свидетельствуют о том, что некоторые языковые категории соотносятся с классами реальных предметов. Так, можно допустить, что наш неязыковой мир действительно состоит из предметов, действий, качеств, свойств и отношений, которые сопоставимы с существительными, глаголами, прилагательными, наречиями и предложениями английского языка. Тем не менее и в этом случае оказывается, что во многих других языках перечисленные классы предметов не находят отражения в соответствующих системах частей речи. Более того, нам все равно пришлось бы определять части речи английского языка не по их соотношению с различными явлениями реального мира, но лишь по их функциям в синтаксическом строе английского языка... Категории языка, следовательно, нельзя определять в терминах философии.

Блумфилд прекрасно понимает, что все недостатки грамматик начальной школы лишь отражают «метафизические» наклонности обывателей, которые считают мир, обозначенный их языком, прозрачным с точки зрения весьма ограниченного восприятия лингвистом всей структуры языка обывателя. Как отмечает Блумфилд, категории морфологической структуры, которые получают внешнее лексическое выражение, составляя слова и их внутренние формы, присутствуют в сознании обывателя. Блумфилд, как и Боас, не только не пытается объяснить это явление, но и предостерегает от его научного обсуждения (тем самым отделяя «научное» представление о языке от обыденного)¹³.

Откуда именно берутся «культурные» понятия?

Уорф рассматривает эти боасовские и блумфилдовские темы в своей статье «Отношение норм мышления и поведения к языку» (Уорф, 1960в), которая первоначально была опубликована в 1941 году в сборнике, посвященном памяти Сепира (Spier, Hallowell and Newman, 1941). Речь в этой статье идет о «культурном» характере понятий «пространства» и «времени», онтических

¹³ В ряде своих статей Уорф разрабатывает типологию того, что он называет грамматическими категориями. От Боаса он унаследовал интерес к обязательности кодирования определенных различий, обнаруживаемых при сравнении категорий, переходящих от «селективных» к «модульным» (Уорф, 1972[1945]. С. 50–56), а также интерес к категориям внешней разложимости и категориям всей грамматической структуры, проводя различие между «открытыми» и «скрытыми» категориями (Уорф, 1972[1945]. С. 45–50), причем для последних он также использовал наводящий на определенные размышления термин «криптотип». Возможно, причиной особенного возбуждения у критиков Уорфа стала именно эта яркая формулировка – в отличие от «фенотипа», вероятно, перекликающегося с генетикой. В действительности, тогда произошло открытие того, что мы теперь называем «основополагающими представлениями» в структуре языка, очевидное каждому, кто знаком с блумфилдовской грамматической теорией и ее современной трансформацией в формальный синтаксис.

категорий, о предязыковом и предкультурном характере которых говорил и сам Блумфилд в своем обращении к Американскому лингвистическому обществу (Bloomfield, 1987с). Хотя Блумфилду пришлось согласиться с пониманием «пространства и времени» специальной теории относительности, которое тогда стало одним из основных понятий квантовой физики — и вспомним, что, согласно Блумфилду, постижимый мир состоял из момента (масса на определенной скорости в пространстве) и синтаксиса (категориальная структура формы языка), — Уорф говорит здесь о «новом виде относительности», который самокритичные в эпистемологическом отношении ученые должны принимать во внимание. Он говорит об относительности «норм мышления» или представления о происхождении и своеобразии лингвистической категориальной структуры.

В один год с выступлением Блумфилда, как свидетельствуют рукописи (Whorf, 1956a[1936]), опубликованные в сборнике под редакцией Джона Б. Кэрролла, Уорф начал писать о том, что язык хопи опровергает физикалистские позитивистские представления о том, что, по предположению Блумфилда и других, представляли собой «время» и «пространство», универсально организованные лингвистической денотацией. Но статья 1941 года является собой предельное и наиболее тонкое развитие второй его темы, настолько тонкое, что оно давно и прочно вошло в рассуждения о равенстве и многообразии у других авторов и у самого Уорфа, например в статьях, опубликованных в «Технологическом обозрении» (Уорф, 1960а, 1960б; Whorf, 1956d), где он обращался к несведущим в лингвистике и антропологии читателям на их особом языке «относительности».

Уорф с самого начала говорит о «лингвистической относительности», отраженной в показательной цитате из Сепира, которому была посвящена эта книга и который был последним наставником и покровителем Уорфа. В этой цитате (Сепир, 1993б. С. 261) всего лишь излагаются обычные боасовские представления; возможно, этот отрывок из работы учителя наиболее близок к тому, о чем собирался рассказать Уорф, но он, конечно, относится к самому низкому уровню осмысления. Ибо в статье Уорфа на самом деле происходит изложение поистине новаторского объяснения причин существования культурно особых «метафизических» понятий, понятий, подразумевающих полное физическое покрытие всего нашего опыта, доступного, например, картезианскому — или даже блумфилдовскому — пониманию.

Грамматическая аналогия и дискурсивная диалектика

Основная мысль в статье Уорфа 1941 года заключается в сложном семиотическом происхождении «пространства» и «времени» как «категорий мышления», то есть вербальных выражений и проявленных в дискурсе когнитивных понятий, которые, по предположению Блумфилда и его последователей, даны от «природы», до языка и культуры. В действительности, Уорф предлагает состоящее из семи частей объяснение того, каким образом в строении человеческого языка появляются такие культурные понятия. Его основные идеи можно изложить следующим образом:

1. В вербально выраженных понятиях (мета)физической реальности культур-

ной группы мы имеем дело с «относительностью» осознанного, целенаправленного использования языка людьми, стремящимися достичь согласия относительно нормативных («обыденных») культурных практик, ориентированных на решение практических задач. Эта «относительность» появляется на уровне дискурсивной практики (а не на онтологическом уровне, связанном с грамматическими категориями), где мы можем сознательно ориентироваться на создание текста-в-контексте, четко связанного с этим контекстом посредством его репрезентации (референции и предикации).

2. Такое осознанное использование языка денотативным образом (описание и оценка мира понятийно постижимой «реальности») различается в каждой лингвистической группе (то есть социологически определяемом языковом сообществе) в том, что Уорф называет «манерами речи» о явлениях мира. Эти манеры речи отражают степень фразеологической данности (сложившиеся условности) и своеобразия области («буквальность»); с их помощью мы охватываем концептуализируемые явления — как знакомые, так и незнакомые — определенными вербальными средствами, отображая их с точки зрения предполагаемых — или индексально допускаемых — категоризаций и размерностей (заметим, что у Боаса и Блумфилда внутренняя грамматически-категориальная структура любой манеры речи об области концептуализируемой реальности, вообще говоря, прозрачна только для аналитического взгляда лингвиста).
3. Четкое ощущение прозрачности у носителя языка по отношению к репрезентации на его собственном языке и, возможно, языке вообще связано с языковыми манерами речи, посредством которых мир является говорящему и которые тем самым ведут к осознанной, обыденной точке зрения на представление мира в языке и связанные с ним системы репрезентации.
4. Всякая манера речи представляет собой социоисторический продукт, который по мере развития культурного процесса достигает определенной генеративности (положительного обратного воздействия на соответствующие действия в незнакомых ситуациях в новых областях репрезентации). Неспециалистам это кажется «метафорической» передачей манер речи. Во все большей степени манера речи, охватывающая то, что поначалу могло казаться новыми областями репрезентации, понимается как прямая, «буквальная» формулировка фундаментального аспекта мира опыта.
5. По крайней мере, в одной из основных функциональных составляющих такая генеративность манеры речи выводится по очевидной «аналогии» — специальное лингвистическое понятие, ср.: (Блумфилд, 1968. С. 303–305, 432–452; Silverstein, 1978. P. 245n26, 249n31) — в грамматической системе. Аналогия завершается очевидным (повторным) анализом внешней (лексической) формы с точки зрения грамматически-категориальных и связанных структурных особенностей другой формы или формального класса систематически-определенным образом. Существование того, что мы могли бы назвать «аналогическими силами» поверхностных лексических форм зависит от того, каким образом четкие структурные категоризации выводятся из этих внешних лексических форм по степени «аналогической силы» (стремление к осуществлению повторного ана-

- лиза), зависящей от множества таких факторов.
6. Развитие манер речи, в сущности, связано с действием аналогических сил, которые вызывают у говорящих на языке проективное неузнавание грамматической структуры в лексации, подверженной аналогическому изменению, если описывать такую категориальную структуру при помощи обычного аппарата грамматики. Такова предикативная теория аналогии в манерах речи, неразрывно связанная со структурой языка в специальном лингвистическом смысле, которая является одним из источников ее происхождения.
 7. Другой дискурсивной и репрезентативной составляющей генеративности манеры речи служит практическое, ориентированное на действие употребление языка в конкретных ситуациях рационального «мышления», когда языковые выражения кажутся тем, кто их использует, индексально связанными с ситуациями, которые обычно репрезентируются ими. Говорящим формы языка в действительном употреблении кажутся метаязыком по отношению к реалиям, которые ими описываются. Для такой убежденности в существовании индексальной связи очень важно исходное признание существования языковой формы, предназначенной для отображения реальности, ситуация «крещения» (Kripke, 1972). Здесь то, что мы называем «перформативным именованием», сочетающееся, возможно, с «репрезентативным декларативом», делает более значимой в денотативном отношении манеру речи, а не индексированную сторону реальности. И для этого необходимо определяющее употребление кем-то, наделенным соответствующими социокультурными полномочиями (такими людьми, как «ученые», «духовенство», «судьи» или «посредники»).

Именно через такую цепочку связей — очевидную любому вдумчивому теоретику боасовско-блумфилдовского круга, к которому принадлежал Уорф, — мы можем понять развитие уорфовских рассуждений о культурных категориях, см. также: (Lucy, 1992b. P. 45–61). Он начинает с лингвистически простых примеров страхования от пожара в Хартфордской страховой компании и переходит — по аналогии — к сложным рассуждениям, в которых сравниваются «пространство» и «время» в английском и хопи.

Начиная с простых аналогий манер речи, грамматически построенных как (адъективное) определение и (именное) определяемое, Уорф показывает семантическое отношение денотативного включения класса между словосочетаниями с неопределенными существительными и словосочетаниями с определенными существительными. Это продуктивное и композиционно правильное таксономическое отношение неопределенного к определенному словосочетанию служит основой для сильной аналогии по отношению к любому словосочетанию, кающемуся носителю языка состоящим из определения и определяемого. Итак, реконструируя умозаключения, которые стоят за подобными трагедиями, основанными на аналогии (основанными, таким образом, на языке, а не на «реальности»), Уорф показывает, что такая ошибочная аналогия схожа с историей следователя общества страхования от огня, выяснившего, что причиной пожара стала чья-то неосмотрительность.

Так, собственный или «буквальный» класс денотатов, закодированный в слове *limestone* «известняк» (заставляющем вспомнить о *stone* «камне, который не

горит»), должен быть связан таксономическим отношением включения класса в класс денотатов с именной конструкцией вида «определение + определяемое», *центрифугированный известняк*, с определяющим прилагательным, которое представляет собой пассивное причастие переходного глагола *центрифугировать*. Поэтому «центрифугированный известняк» по аналогии должен обозначать класс вещей, которые в своей основе составляют подкласс вещей, понимаемых как «известняк, подвергшийся центрифугированию». Здесь грамматическая аналогия определяет узнавание денотата выражения *центрифугированный известняк* и соответствующие практические действия по отношению к нему, поскольку это словосочетание понимается как «манера речи» об используемом в промышленности веществе, а не как специальное формульное знание его химического состава, который не имеет ничего общего с «камнем». И потому у здравомыслящего рационалиста свойства вещества, «центрифугированного известняка», связанные с определенными возможностями «рационального» действия по отношению к нему, должны соотноситься с основными правилами того, каким образом создаются представления об *limestone* «известняка» и даже *stone* «камне», основными формами, мыслимыми по аналогии.

Сравнивая культурные понятия «пространства» и «времени», Уорф, в конечном счете, рассматривает различные культуры измерения, институциональное внимание к практическим измерительным действиям, которые завершаются рациональным денотативным использованием вербальных выражений как «манер речи» об измеряемых явлениях общества. Такие выражения «числа» или «степени» проецируются на область грамматического строения, называемую нами фразами измерения¹⁴. На примерах Уорф показывает, что использование фраз измерения в английском языке предполагает грамматическое существование двух полярных «избирательных» («селективных») классов существительных, причем различное проявление этих классов в фразах измерения позволяет грамматисту выносить дифференциальный диагноз¹⁵. Один такой полярный класс, так называемые исчисляемые существительные (например, *дерево*), допускает непосредственное сочетание с числами, как в *трих деревьях*; другой полярный класс, так называемые неисчисляемые существительные (например, *древесина*), требует специального построения фразы, как в *трих колодах древесины*.

Затем Уорф обращается к влиянию языка и культуры на способ объяснения понятий, появляющихся в теоретических построениях носителя языка при рационализации применимости денотативных фраз к практическим ситуациям. Он выдвигает предположение о том, что говорящие подвергаются

¹⁴ Подробнее о сравнительном описании грамматики «числа» в отношении классов существительных и систем классификаторов см.: (Lucy, 1992a. P. 23–84). Это описание становится основой для первопроходческого сравнительного изучения искажающего влияния лингвистических категориальных систем на выполнение определенных познавательных задач.

¹⁵ В терминологии Уорфа (см. выше прим. 13), распределительное поведение существительных, встречающееся в различных конструкциях фраз измерения, обусловлено «реактивным сопротивлением» — явным очевидным конструктивным подтверждением — этого относительно «скрытого» (основополагающего), хотя и «селективного» (обязательного) категориального различия между существительными, встречающегося в английском языке. Поэтому категория, которая обладает только одним контекстом употребления, весьма скрыта, и можно сказать, что она меньше всего отвечает правилам грамматики рассматриваемого языка.

сильному давлению со стороны аналогии при понимании фраз измерения для неисчисляемых существительных с точки зрения более важного, но совершенно особого структурного (грамматического) строения тех же категорий лексических форм, наподобие *трех статуй из древесины, девяти упоминаемых событий, пяти (каких-то) проявлений учтивости, семи истинных выводов, двух господ из Вероны*, то есть именных групп, выражающих материальный состав, образ действия, средство, происхождение, источник и так далее. В последнем типе фраз каждое из двух существительных, например, *статуя* и *древесина*, обладают наибольшей самостоятельной семантической значимостью, наиболее прозрачной в денотативном отношении миру, который она описывает исходя из канонической (или «буквальной») значимости лексической классификации. Можно даже иметь соответствующие множественные числа исчисляемых или неисчисляемых существительных в видоизменной фразе, как в *восьми скульптурах из обойных гвоздей*.

Эта структура именной группы материального состава с его приданием множественного числа исчисляемому существительному, которое служит его основой, становится тем, что мы называем «определяющей формой» истолкования по аналогии фраз измерения, связанных с неисчисляемыми существительными. Отметим, что последние грамматически требуют квазиклассификатора именной группы для кодирования семантического «числового» денотата неисчисляемого существительного («единственное» и «множественное» число в английском языке); кроме того, они служат грамматической основой для согласования с глаголами и так далее. Таким образом, утверждает Уорф, существительные в таких словосочетаниях, как *(четыре) колоды древесины, (две) чашки сахара, (десять) досковых футов ели*, кажутся носителям языка прозрачными лексическими кодированиями обыденных понятий «измеримых, хотя и не имеющих сущности, ограниченных конфигураций» — «колод», «чашек», «досковых метров» — «или же бесформенного и неограниченного материала или сущности» — «древесины», «сахара», «сосны». Уорф утверждает, что линейные, плоские и объемные термины пространственного измерения, наподобие локтя, гектара, пинты и так далее, в конечном счете принимают обыденные понятийные характеристики первых существительных в последовательности неисчисляемых фраз измерения, считающихся в этом случае ограниченными, повторяющимися, а также, возможно, одновременно измеримыми сущностями неограниченной во всех остальных отношениях области (сущности, «эфира»), называемой пространством.

На Западе изобретение практических способов согласования социальных интервалов опыта и переживаемых длительностей, отсчета «времени» при помощи часовых механизмов изначально (примерно с 1271 года) было связано с линейными или угловыми измерениями отрезков, проходимых равномерно движущейся стрелкой на размеченном поле. Опосредованное почти шестисотлетним развитием все более надежных способов измерения, связанных с часовыми механизмами, постепенное усовершенствование в «среднеевропейском стандарте» (SAE) проработанной и широко применя-

¹⁶ У меня нет возможности подробно рассматривать здесь возникновение часов как технологии и одной из сторон человеческой жизни в Европе или институциональные ответвления

емой терминологии фраз измерения свидетельствует о возникновении обыденных, интуитивно очевидных и рациональных представлений о другой неограниченной материи, называемой «временем», предполагающей существование линейной размерности¹⁶.

Мысль Уорфа заключается в том, что культурные понятия «пространства» и «времени» представляют собой именно культурные понятия. По Уорфу, они возникли в ходе диалектического социально-исторического процесса между, с одной стороны, рационально и рационализируемо используемым (пользователями) языком как способом представления и объяснения мира и, с другой стороны, миром представленным таким образом явлений. В результате аналогического использования существующей «манеры речи» о явлениях происходит перформативное обозначение некоей новой ситуации по сходству («метафора») с чем-то уже встречавшимся. В свою очередь этот расширенный способ репрезентации пополняется целой новой областью, в конечном итоге, «буквальной» денотативной значимости благодаря аналогическому развитию существующих представлений в новом контексте. Уорф, в некотором смысле, дал конструктивное диалектическое объяснение пирсовской «абдукции», то есть эмпирического отношения к теоретическим понятиям. В его объяснении обнаруживается точка пересечения аналогического процесса и грамматически-категориальной структуры, зависящей, прежде всего, от генеративных возможностей диалектики, хотя нам не следует забывать и о роли социокультурных практик, которые, по его гипотезе, абсолютно необходимы для этой диалектики.

«Время», грамматическое время и время

Такие обыденно-теоретические понятия «пространства» и «времени» особенно ценны для уорфианского подхода не только в качестве ответа Блумфилду и его джингоизму в духе Венского кружка; они также позволяют Уорфу соотнести метафизику SAE, которую он видит в нем, с двумя областями сравнения. Во-первых, в той же статье он рассматривает метафизику развития событий у хопи от возникновения до кульминации. Он утверждает, что в этой метафизике хопи различие между «пространством» и «временем» проводится не так, как в метафизике SAE. Уорф сравнивает временные практики SAE, диалектически близкие обыденной метафизике «времени», с временными практиками у хопи. Культурные практики хопи возобновляются по отношению к таким последовательным кульминациям (тому, что мы на-

практик, связанных с часами и представлениями об одновременности или последовательности событий, промежутках времени (длительных и понятийных) и так далее, которые лежат в основе уорфовского осмысления нашей SAE культуры измерения времени и ее понятия «времени». Различные исторические работы, посвященные системе мер, часам и временной организацией общества (Dohrn-van Rossum, 1996; Kula, 1984; Landes, 1983; Ле Гофф, 2000. С. 8–105), хотя и полезны в некоторых деталях, все же оставляют без внимания вопросы *менталитета*, интересовавшие Уорфа. Кросби (Crosby, 1997) поднимает вопрос о степени определения «квантификацией» понятийной и институциональной трансформации европейского менталитета, но вместо ответа на этот вопрос он просто перечисляет в хронологическом порядке плохо дифференцированные арифметические практики.

зывается в SAE событиями, связанными с тем, что происходит в таком-то времени и пространстве), и потому человеческая деятельность связывает различные культурные «силы» с соответствующими степенями интенсивности, которые способны влиять на последовательное развитие событий.

Во-вторых, анализ Уорфом культурно определенной метафизики «пространства» и «времени» основывается на сравнительном анализе соответствующих грамматических категорий кодирования в двух соответствующих языках при помощи универсальной грамматики. Английский — это язык, который имеет «время», «вид» и гибридную категорию «совершения» в виде правильных грамматических категорий предикативной фразы; хопи — это язык, который имеет множество слоев «вида» и категорию получателя/отправителя, определяющую соответствующий «эпистемологический статус». (Сначала Уорф назвал последнюю категорию «грамматическим временем», а позднее заменил его «утверждением»; см.: Whorf 1956b[1938]. P. 113–115). Согласно Уорфу, существует глубокая пропасть между тем, что универсальная грамматика говорит нам о действии грамматической структуры «времени» x «вида» x «совершения» в английском как образцовом языке SAE, и представлениями носителей языка о прозрачности этой системы для обыденного понятия «времени».

Теперь мы можем вполне отчетливо, вслед за немногими из более ранних адресатов Уорфа, понять, что он рассматривает боасовские рассуждения о сравнении форм, которые языковая структура принимает в практических ситуациях денотации, с тем, чтобы предложить композиционное прочтение модальных референциальной и предикативной значимостей отдельных грамматических категориальных структур. Речь идет, как и в рассмотренной нами первой уорфианской теме, об отличии одного языка от другого. И все же в боасовской и блумфилдовской схеме он мог сравнивать два языка с тем, чтобы показать, что каждый из них обладает формальной структурой, позволяющей удовлетворить любые практические требования денотации, хотя грамматически-категориальные измерения в особых эмпирических обстоятельствах, безусловно, будут различаться.

В известной схеме Уорфа из «Науки и языкознания» (Уорф, 1960б. С. 179) сравниваются конструкции из английского и хопи, используемые для передачи определенных наблюдений относительно событий или положений дел. Английский язык использует свое формально-категориальное пространство «времени» x «вида» x «совершения», а хопи использует свое формально-категориальное пространство «вида» x «эпистемологического статуса». Оба языка представляют собой «совершенные» — или, что то же самое, одинаково «несовершенные» — грамматические средства для описания различных практических ситуаций, поскольку они не включают одни различия и включают другие. Различия заключаются в том, каким образом отдельные практические ситуации неявным образом группируются или классифицируются благодаря применению описательного языка для их репрезентации и обсуждения. Путем сравнения английского и хопи схема Уорфа показывает различие в группировании.

Поскольку английский язык имеет грамматическое время в качестве основной и обязательной грамматической формы в части предложения со сказуемым (делая по крайней мере один лексический глагол в предложении «спрягаемым»), нам следует рассмотреть вместе с Уорфом различие, даже

разделение, между грамматической категорией времени и понятием «времени», которое говорящие на английском языке в метафизике SAE аскриптивно считают прозрачной областью денотации. Грамматическое время, по определению, является индексально-денотативной таксономической категорией. Оно индексирует – указывает на – совершение определенного события и представляет определенное обозначаемое положение вещей в виде совершения последовательности событий («до» или «после» него) или отсутствия такой последовательности, то есть «одновременности» с этим событием. Некоторые системы грамматического времени различают только два определенных парадигматических значения грамматического времени: прошлое («до») и непростое (не «до», то есть настоящее будущее), как в английском. Или различают будущее («после») и небудущее (не «после», то есть настоящее прошлое). Некоторые языки, например французский, различают три таких значения: прошлое, будущее и остаточное, немаркированное «настоящее». Как показал Уильям Булл (Bull, 1960), системы становятся все более сложными вследствие создания отношений одновременности/последовательности между предикативными положениями вещей и описываемыми событиями второго и третьего порядка, которые сами по себе предполагают (индексируют) наличие определенных исчислимых отношений одновременности/последовательности с событием, от которых зависит вся система.

Но если грамматическое время по определению связано только с отношениями одновременности/последовательности событий, индексированным событием, «здесь и сейчас» предполагаемого коммуникативного события, каким образом люди понимают, что грамматическое время имеет отношение ко «времени»? Кроме того, как люди понимают, что грамматическое время имеет отношение (то есть кодирует) к тому, что Уорф считает «объективизированным» временем, в котором «понятия времени утрачивают связь с субъективным восприятием “становящегося более поздним” и объективизируются как исчисляемые количества, т.е. отрезки, состоящие из отдельных величин, в частности длины, так как длина может быть реально разделена на дюймы» (Уорф, 1960в[1941]. С. 142)? Согласно Уорфу, это очень ограниченное в культурном отношении явление, в котором практические способы обозначения переживаемой длительности одновременности/последовательности – фразами измерения в языковой области, часами и схожими атрибутами в неязыковой области – влияют на обыденное истолкование дейктической грамматической категории, указывающей на этот опыт одновременности/последовательности длительностей (событий-промежутков).

Поэтому обыденная практическая и обыденная понятийная области бесконечно делимой и измеримой временной последовательности стали специфической культурной основой обыденной интерпретации грамматического времени SAE, которое, будучи индексальной денотативной категорией, подтверждает сложное представление о «времени» благодаря кажущейся – обыденному сознанию – необходимости напоминать о нем и указывать на него всякий раз, когда мы используем категорию грамматического времени. Такое представление нашло свое историческое воплощение, по Уорфу, в возникновении часов и календарных методов, как видно из этимологии слов, используемых для обозначения промежутков «времени», восходящих к двум

различным элементам культурных представлений об одновременности/последовательности более ранних периодов: во-первых, слова и выражения, которые пришли из линейной, плоскостной и сферической геометрий, связанных с иконическими репрезентациями движения длительностей, например, длины связанных веревок в водяных часах или угловых расстояний на круглых плоскостях, отражающих цикл, например *минута* – «1/60 часть (углового расстояния)»; во-вторых, слова и выражения, которые пришли из более ранних понятий естественных и социальных длительностей в циклах и их обычных подразделений, например «время года», по-гречески *ho:ra*, теперь (h)our *час* (1/12 «естественного» дня).

С веками термины, пришедшие из этих двух этимологических источников, стали пересекаться в практике использования фраз измерения, например «час» (2 источник) получил фиксированный эквивалент в «минутах», «секундах» и т.д. (1 источник). Такое единообразие грамматико-семантического употребления временных терминов в словосочетаниях измерения сопровождается возникновением новой интерпретации в той же «манере речи». Но именно производное представление об однородном развертывании событийности, «времени», в кодировании которых эти получившие новую семантику слова приобретают множественное число (исчисляемая категория), как в *трех минутах* («времени»).

Со строго грамматической точки зрения, грамматическое время представляет собой конфигурационную категорию, не связанную с такой прямой и одновременной измеримостью, непрерывностью и скалярной или векторной направленностью «времени» как такового, этимологическим направлением, заданным для «временных» слов. Такая ассоциация стала правдоподобной вследствие уорфианской болезни носителей языка SAE в обычном мире способов репрезентации SAE. В микрокосме «норм мышления и поведения» SAE, как называет его Уорф, грамматическое время четко и ясно кодирует «время» для носителей этого языка.

По Уорфу, однородное время-пространство SAE, в соответствии с нашими «нормами мышления и поведения», мы «находимся», все же не имеет определенного грамматически-категориального подтверждения этого в наших дейктических системах. Существует только сложный, аналогически направленный процесс, посредством которого культурно специфические понятия и особенно культурно специфические вербализируемые понятия возникают из диалектики грамматически закрепленного лингвистического дискурса и построенной вокруг институтов социальной практики, опосредованной вербальными и эквивалентными репрезентативными практиками и того, и другого. Благодаря своеобразному проективному воображению носители языка в таких культурных мирах «обнаруживают», что содержание понятий, закодированное в этих выражениях, и есть то, из чего состоит «реальность». Это открытие основано на истолковании индексальных категорий, связывающих язык с контекстами его использования посредством этих обнаруженных сущностей. В таком случае для носителей языка индексальные категории указывают на строение сущностных особенностей мира, которые раскрываются нормам мышления и поведения в манере речи о реальности, соответствующей социальным практикам. Одно-

язычный культурный мир, хотя и диалектичен по своему строению, в конечном счете весьма ограничен в своем развитии.

Не поднятая тема

Третья тема, нечетко обозначенная в конце жизни Уорфа, заключается в том, что, быть может, всякое соотнесение языков — и, через язык, любых форм культурного семиозиса — невозможно, потому что мы не знаем, насколько наше собственное «соотнесение» одной грамматической категории системы с другой через таксономические категории универсальной грамматики зависит от химерической схемы соответствующих теоретических производных обыденного опыта, как мы видели в случае со «временем» в SAE. То есть нам неясно, в какой степени уорфианская диалектика применяется к представлениям грамматистов о языковой структуре как предмете практического интереса, тем самым делая их обыденными, а не собственно научными понятиями. Такое сомнение, зароненное в нас Уорфом, связано с позицией, названной мной нигилистическим релятивизмом. И, конечно, рассуждать нужно не об общих философских основаниях (а именно — недальновидности большинства постмодернистского деконструктивизма в начале «научных войн»), а конструктивно, то есть эмпирически и прагматически, через изучение таких явлений. Мне нечего добавить к этой третьей деконструктивистской уорфианской теме, изложенной ниже.

Наше воображение, наши самости

Теперь необходимо объяснить тем, кто знаком с «Воображаемыми сообществами» Андерсона, что в основе его осмысления культурной формы, в которой «национализм обладает магическим свойством обращать случай в судьбу» (Андерсон, 2001. С. 35), лежит продуманное уорфианство. В таком культурном порядке национальность оказывается определяющей особенностью личности. Этот определяющий характер, по-видимому, связан с онтической областью, лежащей за пределами случайности исторических обстоятельств и событий, наподобие рождения, или первого поступления на работу, или любого другого важного события человеческой жизни. Что касается субъективности, описываемой Андерсоном, национальность стоит надо всеми этими обстоятельствами и событиями и находится за их пределами, будучи особой разновидностью самости, проявляющейся в таких случайностях и через их посредство. В андерсоновском описании магическая сущность состоит в том, что Уорф назвал бы непоколебимой метафизической приверженностью тому, что составляет национальную субъективность.

И, действительно, в тексте обнаруживаются две характерные уорфианские темы. С одной стороны, лингвистические и связанные (или «опосредованные» — Барт, 2000. С. 248) с языком представления жанры текста, контексты взаимодействия и социально-институциональные структуры составляют основную доказательную базу в рассуждениях Андерсона. С другой стороны, области, на которых играет воображение национализма, и сами формы, ди-

намически запускающие его игру, носят пространственно-временной характер в буквальном, и в переносном смысле: геополитические области и их карты, переписи и прочие музейные и архивные артефакты; коллективные и совместные события во времени и их исторические описания; синхроническая — и синхронизируемая — принадлежность людей к символически представленным и перформативно обновляемым группам и так далее. По моим подсчетам, двадцать один отрывок из текста Андерсона важен для понимания его рассуждений относительно пространства и времени и их структурирования национализмом как опосредованной такими связанными с языком семиотическими формами; практически все остальное прямо обращается к другим образующим аспектам языка и его текстуализированным дискурсивным формам. В действительности, здесь показаны составляющие социальных практик, которым посвящены наиболее передовые исследования Уорфа об идеологических основаниях понятий пространства и времени.

Вполне в духе Уорфа андерсоновские «Размышления об истоках и распространении национализма» — такой подзаголовок имеет эта книга — описывают произошедшее около двух столетий назад возникновение культурного порядка «национальности» в образе своего основополагающего лингвистического порядка. Условия этого возникновения были, по сути своей, дискурсивными в фукианском смысле слова; они включали в себя в основном: 1) печатное капиталистическое производство, распространение и потребление; 2) текстовые артефакты (газеты, листовки, брошюры, романы и т.д.); 3) тексты, написанные и построенные в жанре реалистического описания; 4) стандартизованные или последовательно стандартизовавшиеся просторечные языки¹⁷. Ниже мной будет рассмотрена каждая из этих четырех взаимосвязанных предпосылок националистического «воображения».

Далее Андерсон описывает расцвет различных форм национализма как культурного порядка, ставшего возможным благодаря этим предпосылкам, и их распространение по всему миру в различные периоды XIX—XX веков. Но несмотря на историческое изложение, Андерсон явно полагает, что в культурной феноменологии националистического субъекта присутствует нечто общее, нечто, что сохраняется в глобальном времени и пространстве: всюду он служит культурным порядком, соответствующим включающему политическому объединению, которое наделяет каждого члена общества неотъемлемым свойством национальной идентичности. И культурная феноменология национализма, согласно теории Андерсона, действует путем проецирования и построения гомогенного пространства-времени особой, отличной принад-

¹⁷ Действительно, одним из основных средств стандартизации было именно получение просторечными языковыми формами доступа к текстовым артефактам печатного капитализма, которые интертекстуально сосуществовали с правительственными и иными формами использования языка, связанными с властными институциональными положениями. Политическая экономия текстовых артефактов — организация и управление институциональным созданием, распространением и потреблением печатных текстовых артефактов — тем самым опосредует процесс языковой стандартизации, благодаря которой происходит создание общепризнанной модели использования языка. О стандартизации см.: (Garvin, 1964; 1993; Garvin and Mathiot, 1968; Navranek, 1964; Heath, 1980; Shackle, 1980; Silverstein, 1996a; 1996c; Stewart, 1968. P. 534.

лежности. В этом пространстве-времени каждый представитель нации может одновременно сопоставляться с другим; и такое ограниченное объединение, находящееся в обитаемом пространстве-времени, и в синхроническом, и в диахроническом отношении должно сопоставляться с другими объединениями, воображаемыми, входящими в другие возможные объединения этого культурного порядка (как можно заметить, например, в словосочетании «сообщество наций», обозначающем более высокий порядок общего пространства-времени пространств-времен). Национальность — это таксономия различения индивидов как представителей таких групп, сочетающаяся с существенным неразличением индивидов внутри группы¹⁸.

При классификации по наличию определенных политических прав или стремлению их получить, национализм, таким образом, представляет собой культурный феномен очень крупных социальных формаций, то, что мы могли бы назвать надстроечным порядком коллективного сознания. Согласно Андерсону, он возникает в результате воздействия на «мировоззрение» особых политэкономических способов порождения и распространения (особенно вербальных) репрезентаций. Националистическое мировоззрение переживается как метафизическое ощущение изначальной принадлежности к гомогенной группе, обычно олицетворяемой или ассоциируемой с такой политической общностью, как национальное государство. Также существуют национализмы без национальных государств в сопоставимых «националистических» культурных порядках, например, так называемые безгосударственные нации, стремящиеся создать свое автономное национальное государство. Кроме того, в современных Соединенных Штатах подобное воображение лежит, в частности, в основе понятий этничности. Но в большей степени оно определяет воображение *любой* идентичности, основанной на демографическом измерении, будучи ее проекцией на гомогенное пространство признаков, считающихся необходимыми для коллективного политического действия, которое обозначается в современном американском английском языке термином «сообщество»¹⁹.

Андерсон не поясняет, идет ли речь об исторической аргументации или о функциональной/эволюционной. Относительно исторических притязаний он сказал бы, что национализм появился в колониальной периферии западного полушария, принадлежавшей английской и испанской метрополиям во

¹⁸ Эти две точки зрения на национализм соответствуют тому, что Энтони Смит (Smith, 1983. P. 158 и далее) назвал «этноцентрическими» и «полицентрическими» национализмами, закрепленными в идеологических представлениях. Этноцентрические конструкции национализма осуществляют эссенциализацию, локализацию и оправдание власти и ценности принадлежности индивида в группе. Полицентрические конструкции, считающиеся более «либеральными» в политическом отношении, диакритичны и различают множество групп на этом уровне представления в «семействе наций».

¹⁹ Значительная часть американского этнического сознания восходит к предиммиграционной этногеографии существовавших национальных государств или областей империй, воображаемого «места происхождения» — *Urheimat* — и изначального «времени происхождения» — *Urzeit* — национальной и этнической принадлежности. Отсюда обычный американский вопрос: «Откуда происходит ваша семья?», часто имеющий своей целью выяснение национальной и этнической принадлежности. Конечно, такие *Urheimat-Urzeit* связи и основывающееся на них групповое сознание со временем меняются в зависимости от социальных обстоятельств.

второй половине XVIII века, и что все последующие события представляют собой развитие начатого. Функциональная/эволюционная точка зрения заключалась бы в том, что при выполнении определенных условий «национализм» возникает в виде культурной формы, «мировоззрения» идентичности, способного установить связь с политическим проектом. При этом предполагается осуществление двойного опосредования печатного капитализма (или, возможно, его электронных эквивалентов), связанного одновременно с осевой институционализацией дискурсивной практики и с парадигматическим капитализмом производства-распространения-потребления товаров среди «читающих классов» (Андерсон, 2001. С. 97). Конечно, Андерсон обращается к национализмам «подлинным» и «мнимым», как мог бы их назвать Сепир (Сепир, 1993а). Он также выделяет этапы исторического развития национализма, своего рода диалектическое движение во времени: сначала возникает рациональное репрезентационалистское мировоззрение и сознание движения буржуазии к собственному освобождению (хорошие парни), которое затем сменяется — особенно перед лицом династических и имперских сил национального государства (плохие парни) — циническим использованием «смоделированных» атрибутов своеобразного эрзаца, просто ритуализованного национализма, чтобы, в свою очередь, уступить место локальному стремлению к освобождению недавно возникшей, часто постколониальной «креольской» буржуазии (в целом, неплохие парни). Такое выделение сменяющих друг друга этапов в андерсоновской истории XIX–XX веков обнаруживает диалектику, присущую развитию национализма. Но даже эта история, кажется, подается как «естественная» или функционалистски-эволюционная (гегельянская) диалектика этапов неизбежного выражения «подлинного» национализма, зависящая от функциональных отношений, лежащих в основе уорфианского анализа Андерсона, к которому я теперь обращаюсь.

Дискурсивный режим националистического дейксиса и высказывания

Возвращаясь в область действительного дискурса и языка, Андерсон, по-видимому, описывает воображение, лежащее в основе использования людьми вербального средства, которое «метафизически» — термин, используемый Уорфом, — предполагает изначальное существование «националистического пространства-времени». Отличное от материального пространства-времени простого физического существования организмов, это пространство-время стало новой контекстуальной основой, подходящей для окончательного или авторитарного индексального обозначения с использованием личного дейктического «мы» — и во «включающем», и в «исключающем» смыслах — и его эквивалентов в других языках. Националистическое «мы» отличается от того, что существовало до него; оно возникает в особых местах и распространяется в ходе истории.

Это, по-видимому, сопоставимо с уорфианскими пользователями языка SAE, в понимании которых, как было установлено им, ньютоновское «пространство» и «время» производят овнешнение, систематизацию и категоризацию понятий «реальности» при помощи соответствующих дейктических (индексально-денотативных) категорий, локативно-указательных местоиме-

ний для «пространства» и грамматического времени для «времени». Фразы измерения или измерительные выражения языка, которыми говорящие на SAE обозначают протяженность «пространства» и длительность «времени», служат связующим звеном при создании этой субъективности говорящего дейксиса. Как было отмечено выше, измерительные выражения становятся равнозначными «манерам речи» о реалиях, основанных на действительных действиях человека в мире, определяемых ритуалом часов. Такие измерительные выражения ориентируют говорящих на определенные понятия «пространства» и «времени», в которых эти области приобретают свойства «бесформенных субстанций» – пространных, гомогенных, всеобъемлющих. И, имея индексально-денотативные (дейктические) категории, четко соотносящиеся с «пространством» и «временем», говорящие на SAE попадают в зависимость от прозрачности своих указаний на интуитивно (и аналогически) объясняемые эмпирические контексты, которые, с их точки зрения, подтверждаются также авторитарным использованием фраз измерения.

Отметим, что Уорф восстанавливает этот процесс, порождающий ряд культурных «физических» понятий (которые он называет «метафизическими»), лежащих в основе дейксиса с категориями грамматического времени и локативно-указательных местоимений. Он пытается найти денотативную основу этих категорий, самые общие понятийные основания для правильного использования их говорящими в актах референции и предикации. Он находит эту основу в этнометапрагматике, обыденных объяснениях, которые создают прозрачность контекста, структурах, свойственных фразам измерения и другим сопоставимым выражениям, позволяющим говорить о «пространстве» и «времени»; говорящие считают, что это одна и та же «реальность», определяемая дейксисом. Данную особенность предположения говорящим общедоступной прозрачности этих вербальных форм прагматическому контексту использования мы могли бы назвать «объективной» основой такого измерительного дискурса. Такова позиция, занимаемая отправителем и получателем этого дискурса по отношению к описываемой «реальности». Она была бы, по выражению Гоффмана (Goffman, 1979), включающим и объективизирующим «обоснованием»; как мог бы сказать Бахтин (Бахтин, 1975), она включает реалистическое репрезентативное «высказывание» действительных положений вещей.

Рассматривая рассуждения Уорфа в том виде, в каком они изложены в левом столбце схемы 1, мы можем обнаружить сходство с рассуждениями Андерсона о националистическом мировоззрении, схематически изображенными в правом столбце. Здесь дейктические категории локативно-указательных местоимений и грамматического времени из рассуждений Уорфа заменяются категориями лица в рассуждениях Андерсона. В частности, индексальное предположение у андерсоновского националиста опосредуется так называемым множественным числом первого лица, то есть локусом в категориальном пространстве числа лица, который обозначает говорящего или отправителя сообщения как представителя более крупной совокупности обозначенных индивидов: говорящий плюс другие. Мысль Андерсона заключается в том, что даже там, где дейксис множественного числа первого лица неочевиден (хотя в большей части националистической риторики он, конечно, очевиден), национализм означает вообразимое опознание бахтинского «мы-высказывания»,

Описание обывательских представлений о грамматическом времени и времени			(Обывательское) представление Бенедикта Андерсона о националистическом «мы»-дейксисе		
Дейктическая категория: («прошлое/ настоящее/ будущее») грамматическое время			Дейктическая категория: (первое) лицо		
	↓ ↑	индексы контекста, понимаемые как		↓ ↑	индексы контекста, понимаемые как
«метафизическое» содержание: «время»			«метафизическое» содержание: неотвратимый «голос из гомогенного пространства»		
	↓ ↑			↓ ↑	
аналогический процесс, основанный на:			аналогический процесс, основанный на:		
	↓ ↑			↓ ↑	
фразах измерения как «манере речи»:			дескриптивном повествовании объективного репрезентативного реализма как «манере речи»:		
которая опирается на	↓ ↑	описывает и репрезентирует	которая опирается на	↓ ↑	описывает и репрезентирует
определяющую практику:			определяющую практику:		
измерение промежутков времени, а также моментов событий, координируемых системой часов, календаря и длины репрезентаций, которое освобождает понятие (относительной) событийности от внутренне присущей индексальной понятности			совместное и коллективное участие в ритуалах «пения в унисон», тексты, переписи, карты и историческая, археологическая, репрезентативная текстуальность.		

Схема 1. Сравнение описания грамматического времени-дейксиса в стандартном средневропейском у Б.Л. Уорфа и националистического «мы»-дейксиса у Б.Р. Андерсона

которое служит прагматической основой повествования, предполагая единство точки зрения. Такова денотативная основа (остов общих понятийных оснований) дейксиса множественного числа первого лица, но, согласно Андерсону, она появляется в своем собственном дискурсивном режиме. Это «мы» создает нормативное сознание, которое разделяет с сознанием других особое гомогенное националистическое пространство-время – совокупность особых пространственно-временных посылок в интерсубъективном нормативном сознании рассказчика и рассказываемого.

Тем самым Андерсон признает основополагающую роль дискурса в своем исследовании национализмов. Его исследование обращает наше внимание на «высказывание», то есть на способ, которым дискурс индексально обслуживает участников коммуникации, получающих и отправляющих сообщения о чем-либо («отправители», «получатели» и «референты» в таксономии основных ролей коммуникативной модели), в общем, по сути, пространственно-временном континууме. Вслед за Бахтиным (Бахтин, 1975) и Уильямсом (Williams, 1983) он считает повествовательный реализм наиболее характерным «хронотопом» высказывания современного национализма²⁰.

Так, Андерсон рассматривает начало написанного в 1887 году романа Хосе Рисаля «Не прикасайся ко мне», «считающегося ныне величайшим достижением современной филиппинской литературы» (Андерсон, 2001. С. 49):

В конце октября дон Сантьяго де лос Сантос, — или, как его называли, «капитан Тьяго», — устраивал прием. Вопреки обыкновению приглашения были разосланы лишь после полудня того же дня, однако еще до этого и в Бинондо, и в других поместьях, и даже в самом городе только и говорили о предстоящем приеме...

Званный ужин состоялся в одном из особняков на улице Анлоаге, и хотя номера мы не помним, постараемся описать этот дом так, чтобы его легко можно было узнать, если, разумеется, он уцелел после землетрясений. Мы не думаем, что сам хозяин приказал бы его разрушить — такой труд обычно в этих краях берут на себя Бог или Природа, тем самым освобождая наше правительство от излишних хлопот.

«Пространного комментария здесь, разумеется не нужно», — замечает Андерсон (Андерсон, 2001. С. 50), так как

достаточно заметить, что с самого начала образ (совершенно новый для филиппинской словесности) приема, который обсуждается сотнями безымянных людей, не знающих друг друга, в разных районах Манилы в конкретный месяц конкретного десятилетия, непосредственно будит в фантазии воображаемое сообщество. И в выражении «один из особняков на улице Анлоаге», который «мы постараемся описать так, чтобы его легко было узнать», теми, кто мог бы его узнать, являемся мы-филиппинские-читатели. Невольный переход дома из «внутреннего» времени романа во «внешнее» время повседневной жизни [манильского] читателя дает гипнотическое подтверждение монолитности единого сообщества, которое охватывает действующих лиц, автора и читателей, движущихся вперед в потоке календарного времени. Обратите внимание также на общий тон. Хотя Рисаль не имеет ни малейшего представления об индивидуальных идентичностях своих читателей, он письменно обращается к ним с ироничной интимностью, словно их взаимоотношения друг с другом не являются ни в малейшей степени проблематичными.

Воображаемое сообщество и есть то, что «охватывает действующих лиц [как референтов], автора [как отправителя, ведущего повествование] и читателей [как адресатов повествования]», всех вместе «движущихся вперед в потоке календарного [т.е. SAE] времени». И оно, по утверждению Андерсона, имеет особый изначальный (полностью предполагаемый) характер при режиме националистического воображения. Оно имеет характер гомоген-

²⁰ Этот термин, означающий «время-пространство», сознательно создавался Бахтиным по модели эйнштейновских релятивистских рассуждений. Он использует его для обозначения того, что мы назвали предполагаемыми индексальными основами и *истоками*, по сути своей, в пространственно-временной системе, определяющей описание героев и сюжета в литературе, см.: (Бахтин, 1975. С. 234–235).

ного, ограниченного, непрерывного и измеримого пространства-времени, где обрамление событий повествования (и где биографический автор и читатели выступают в ролях отправителя-получателя), а обрамление событий повествования (в котором действующие лица выступают в качестве обозначаемых референтов) не только индексально определяется, но и воспринимается как непрерывное²¹.

Таким образом, существует более широкая и включающая основа «мы», где явное повествовательное различие «я/мы», «ты/вы» и «он/она/оно/они» оказывается всего лишь кратковременной конфигурацией коммуникативных случайностей на фоне единообразия. Случайности, наподобие описываемых людьми событий, происходят в истории; они носят темпоральный характер. Принадлежность людей к определенному пространственно-временному континууму изначально и в этом смысле внеположна по отношению к любому повествовательному времени; действительно, такая принадлежность священна, что подчеркивается во многих националистических ритуалах и других эссенциализирующих действиях. Андерсоновский «мы»-континуум национализма, таким образом, представляет собой двойную де-диахронизацию, воображение, которое, проявляясь в повествовании, синхронизирует принадлежность к сообществу не только для потенциальных членов, но и через широкие слои пространственно-временных изменений.

Такова разновидность воображения, чье «высказывание» схвачено в одном из наиболее блестящих образов «индексальной иконы» Ч.С. Пирса: кто-то при помощи палки может начертить на песке островного пляжа точную карту самого острова, частями которого являются и песок и пляж²². Различая репрезентирующий микрокосм и репрезентируемый макрокосм в этой пирсовской метафоре, отметим, что микрокосм, конституируемый актом нанесения карты, представляет собой текст, созданный актом коммуникации, который накладывает свою репрезентативную матрицу на тот же «материал», что присутствует и в макрокосме. Безусловно, репрезентируемый текст в то же самое время конституирует основной макрокосм, в котором репрезентируемый мир повествуемых событий существует в виде микромира воображения. Преобразование строго индексального отношения пирсовского образа в кажущуюся противоположность, строго определенное индекс-

²¹ О понятии индексального или прагматического «соотнесения» обозначенных или иначе отмеченных миров с миром, в котором происходит взаимодействие, см.: (Silverstein, 1993. P. 48–53). И понятие «высказывания» у Бахтина, и понятие «обоснования» у Гоффмана (Goffman 1979) представляют собой различные производные этого явления.

²² Черновик этой статьи вызвал благодаря Джеймсу Уилсу интересное обсуждение на интернет-форуме «Культура языка» (www.cs.uchicago.edu/discussions/l-c/html/archives). При помощи Уильяма Р. Келли Уилс получил отклики от Ричарда Парментайера, Энн Фридман и Джозефа Рэндселла, которые указали на три варианта приводимого Пирсом примера: (CP8.122, 5.71) и фрагмент рукописи: (Robbins # 637. P. 32–33). Пирсовская «икона» — это знак, который обозначает свой объект на основании (уже существующего) «сходства»; пирсовский «индекс» — это знак, который обозначает свой объект на основании «реальной связи», то есть пространственно-временной, причинной и т.д. смежности. Знак, который обладает обоими свойствами, является «индексальной иконой» или «иконическим индексом» — выбор термина в этом случае зависит от того, какой из аспектов более важен в семиотическом отношении.

Схема 2. Сравнение «высказывания» в реалистическом повествовании с общей ролью структуры повествовательной основы

сальное отношение, которое приводит к созданию повествуемого мира при помощи языка, осуществляется через магическое высказывание «мы».

Как изображено на схеме 2, в исследовании Андерсона микро-/макро-отношения конституированы между двумя основами событий. Во-первых, существует основа события повествования, например, через производство, распространение и потребление текстового артефакта наподобие книги с историей, сообщаемой автором читателям. Во-вторых, существует основа «реального», то есть правдоподобие событий повествования, связывающее в различных ситуациях действующих лиц, которые оказываются вероятными обитателями того же пространства-времени обстоятельств, что и индивиды, выступающие в роли отправителей и получателей самого события повествовательного текста. Но в этом случае, по Андерсону, речь идет о выражении или даже простом высказывании «мы» в повествовании — даже «повествовательном» произведении (Silverstein, 1993. P. 49–50) — националистического реализма, когда описываемые действующие лица, даже вымышленные, могут оказаться нашими соседями или даже нами самими.

Определенность и читаемость

Если складывается впечатление, что здесь есть сходство с открытиями Уорфа относительно нашей культуры в манерах речи SAE, то так и должно быть. Уорф писал о том, что он называл гомогенным и измеримым «ньютоновским пространством-временем». Независимо от его «истины» или прагматической полезности, оно оказывается культурной формой индексального переживания народами SAE своей связи с измеримым физическим миром, который позволяет благодаря индексальному описанию достичь картезианской метафизической убежденности. Андерсоновское осмысление националисти-

ческого хронотопа дополняет ньютонианство SAE еще одним, метафизическим измерением гомогенного и даже иногда измеримого «мы». В нем историческое рождение национализма более или менее открыто связывается с возникновением особого буржуазного сознания в частично структурированной хабермасовской «публичной сфере» дискурсивной практики, где тот тип коммуникативной «рациональности», который зависит от повествовательного сопоставления в объективизирующем денотативном реализме, становится стандартным лингвистическим употреблением *par excellence*.

Примирая самосознание идентичностей с индексальным эмпиризмом, андерсоновская рациональность повествования оказывается описательным стилем эмпирической интенциональности действующего лица. Короче говоря, она представляет собой воображение говорящим (метафизическая предпосылка) существующей объективности в границах группы, имеющей общий хронотоп. И в этом состоит дискурсивное сходство с превозносимой описательной позицией эмпирической науки и других «открытых» демократическим путем истин²³. Обычно вопросы идентичности оказываются чрезвычайно важными при проблематизации обоснования и высказывания в обычном повседневном социальном взаимодействии — кто и с кем общается в различных контекстах социальной организации, определяющих силовые центры, линии дискурсивного утверждения и так далее. И они стираются или по крайней мере сводятся к второстепенному статусу в националистических представлениях об основах коммуникативной практики.

В действительности практическая дискурсивная деятельность, «буквально» осуществимая в этой националистической обстановке (обоснование или высказывание), всегда уже предполагается или может предполагаться в качестве общей нормы ориентации сознания действующего лица. В этот хронотоп включается даже «беллетристика», поскольку фигуративный дискурс можно считать развитием других, «описательных» типов, если учитывать, что хронотопические параметры последней составляют основу тропи-

²³ Поздний Эрнест Геллнер (Gellner, 1964; 1994; Геллнер, 1991) представлял национальное государство как социальное образование на массовом уровне, которое основано на современной, светской и рациональной восприимчивости, неизбежно ведущей к развитию технологии и ее масштабных моделей производства и потребления. Геллнер считал «изложение» объективного научного дискурса необходимым условием этого эволюционного этапа массового инфраструктурного проекта и — через такое опосредование — социально-политического образования, использующего и наполняющего смыслом национальное государство. Смит (Smith, 1983. P. 155) приводит цитату из Геллнера (Gellner, 1964. P. 179) о том, что «наука — это способ познания индустриального общества, а промышленность — это экология науки». Считая научный дискурс — теоретически аксиоматизированные и систематизированные каноны денотативной текстуальности в определении реалистического повествования — чрезвычайно важным для того, что «познается» наукой, особым способом познания, мы обнаруживаем тесную связь с этим осмыслением национализма интеллектуалов и иной буржуазной интеллигенции, живущей при институционализированных режимах употребления языка в научно-описательном ключе. Такова нить, связывающая Андерсона, Геллнера, Карла Дойча (Deutsch, 1953), Энтони Смита, Крейга Калхоуна (Calhoun, 1993) и многих других. Все они озабочены, в конечном счете, одной и той же уорфианской проблемой, связанной с особым эмпирически-рациональным и в то же самое время политико-экономическим «мы» локковской интеллигенции, которая составляет основу националистической феноменальной «реальности».

чески преобразованного денотативного эффекта (тем самым происходит переход от «буквального» к «метафорическому» положению в хронотопе). Поэтому художественное произведение может основываться на тех же посылках, что и научное описание. Конечно, можно читать и истолковывать художественное произведение таким образом, обращаясь к непроблематичному научному подходу, сосредоточенному на индексальном установлении денотации, которое никогда не выходит за пределы необходимой прагматической основы в виде «пения в унисон».

На самом деле Андерсон описывает сознание, присущее национализму, «мир норм мышления и поведения» культурной феноменологии национализма при помощи очень ярких лингвистических терминов (Андерсон, 2001. С. 98–99):

Добуржуазные правящие классы добивались сплоченности, в некотором смысле, вне языка, или, по крайней мере, вне печатного языка... А буржуазия? В этом случае имел место класс, который, образно говоря, обрел существование как класс лишь в многочисленных репликациях. Владелец завода в Лилле был связан с владельцем завода в Лионе только реверберацией. У них не было необходимости знать о существовании друг друга; они обычно не заключали браков с дочерьми друг друга и не наследовали собственность друг друга. Однако они сумели представить себе существование тысяч и тысяч им подобных через посредство печатного языка. Ведь неграмотную буржуазию вряд ли возможно даже представить. Таким образом, со всемирно-исторической точки зрения, буржуазии не были первыми классами, достигшими солидарностей на воображенной, по сути, основе.

Андерсон отмечает, что они определяются «границами читаемости соответствующих родных языков». Таким образом, национализм становится ««моделью» “независимого национального государства”», «доступной для пиратства... маргинализированными коалициями образованных» (Андерсон, 2001. С. 103) повсюду, однако, согласно его гипотезе, впервые это произошло в Америках.

Достижение «воображаемых» солидарностей в таком случае зависит от взаимного, даже неявно взаимного воображения посредством описываемых и прочитываемых репрезентаций, в которых сходства и различия, лежащие в основе «мы», могут создаваться и упорядочиваться. Необходимым условием «национализма», по Андерсону, служит культурное сознание своего положения и положения другого в измеримом пространстве однородной и взаимозаменяемой принадлежности к (экстенционально) объединенному, (интенционально) коллективному порядку – порядку, в котором возможно изображение идеального собственного «я». Буржуазия, по Андерсону, первой начинает удовлетворять этому условию, поэтому любопытно рассмотреть образы, использованные в этом отрывке. «Владелец завода в Лилле» и «владелец завода в Лионе» могут прочесть друг о друге в хронотопе реалистического сообщения или вообразить друг друга в вымышленном повествовательном реализме, и именно существование тесных отношений, устанавливаемых благодаря общедоступной грамотности, по-видимому, опосредует их классовый интерес. Речь идет о тесных отношениях слов, а не вещей (например, наследуемой собственности) или третьих лиц (например, заключение браков с дочерьми друг друга). Отметим связь, устанавливаемую между положе-

нием буржуазии в режиме фабричного капитализма и реалистической грамотностью, «ведь неграмотную буржуазию вряд ли возможно даже представить». Именно связь необходимой обусловленности, грамотности, по-видимому, подпитывающей институциональную машину рационализованного производства, определяет социально-экономическую основу класса и одновременно служит личным средством саморефлексивной классовой коммуникации, а, следовательно, классового воображения²⁴.

Воображаемое (языковое) сообщество

Но, конечно, нам уже известно в лингвистических терминах, при каких условиях существует андерсоновская буржуазия: речь идет о порядке стандартизованного языкового сообщества (которое следует отличать от речевого сообщества; см.: прим. 17). Когда языковое сообщество обладает нормой, созданной в результате стандартизации, оно перестает быть просто группой людей, которые могут общаться благодаря определенному денотативному коду («грамматика» в привычном смысле слова). При стандартизации использование говорящими денотативного кода также отражает социологически дифференцированную преданность или, по крайней мере, ориентацию на норму, созданную в результате стандартизации. Стандартизация, в свою очередь, представляет собой воображение и явное институционализированное поддержание «стандартного» регистра — способ использования слов и выражений для референции и предикации, основанный на различных институционализированных предписаниях и запретах, — когда считающиеся лучшими говорящие и писатели среди населения выказывают свою преданность всему населению.

Проявлявшаяся и осуществлявшаяся через такие зависимые от письма и чтения институты, как управление и образование, стандартизация представляет собой современный социальный проект в классическом пражском смысле слова (см.: прим. 17). Знание и способность действовать в этих различных институтах становятся индексально связанными с использованием языка. Даже за их пределами идентичность «высказывается» в терминах ре-

²⁴ Отметим, что в современных исследованиях природа будто бы недифференцированного в социокультурном отношении состояния сознания, называемого «грамотностью», находилась в центре споров о когнитивных, социальных и культурных условиях «устной речи» и «грамотности» по крайней мере начиная с работы Гуди и Уатта (Goody and Watt, 1968); см.: (Goody, 1968; Street, 1984; 1993) и краткий обзор в работе: (Besnier, 1995. P. 1–17). Кроме того, широко обсуждаются также причинные отношения или, по крайней мере, возможность возникновения таких отношений между этими областями, в которых «грамотность» одновременно оказывается формой ментального функционирования, средством — или, лучше, каналом — институтов социального производства и воспроизводства и основным опосредующим инструментом коллективного сознания с помощью текстуализированных представлений. Андерсон явно отстаивает возможность, если не необходимость, связи между «грамотностью» и капитализмом (см. авторов, указанных в прим. 23), возможно, через рыночную форму товаризации текстовых артефактов при печатном капитализме; с его точки зрения, «грамотность» преобразует сознание отдельных людей, которые, будучи сознательными потребителями распространяемых текстовых артефактов, являются получателями текстов, и тем самым делает возможным националистическое политическое воображение.

гистров — например, степеней стандартизации, — которые можно контролировать и использовать. У каждого говорящего есть набор регистров, которые при использовании становятся второстепенными индексами (Silverstein, 1996b) класса и которые связаны с неравным социальным положением в современных социальных формациях.

Таким образом, языковое сообщество приобретает то, что мы называли бы гегемонистским стандартом, причем отступления от него воспринимаются как пирамидальное или коническое пространство отклонения: использование стандартного регистра составляет центр и вершину, а каждый связанный с ней пучок отличий воспринимается как простой «диалект» (Silverstein, 1996c). Стандарт, составляющий норму языкового сообщества, таким образом, становится символом существования такого сообщества с особым социальным распределением силы и формы преданности, которая может изучаться с определенной точностью²⁵. И наиболее преданные этому символу общности склонны воображать существование совершенного представителя языкового сообщества, использующего этот стандарт, в виде демократической и общедоступной позиции проживания языкового сообщества, к которому каждый может и даже должен стремиться.

И наиболее преданные этому стандарту как символу воображают, к тому же, различные выгоды, которые получают сознание пользователя, коммуникативное сообщество пользователей, а также общество и его институты в результате насаждения стандартного регистра. Особенно интересна здесь воображаемая связь между использованием стандарта с тем, что можно назвать описательной рациональностью, подтверждаемой в процессе создания логически последовательного денотативного текста, а также критическим и эмпирическим состоянием сознания, которое должно проявиться. Парадоксальным образом насаждение использования исключительно стандартного регистра зачастую считается самым средством, способствующим созданию такого состояния сознания, своеобразной индексально определенной эмпирической ориентацией как индивидуальной субъективностью к миру познаваемых и сообщаемых явлений. (Конечно, в образовательных кругах современных западных постиндустриальных демократических государств не прекращаются споры об этом, подчас связанные с рассуждениями Гуди и Уатта, о которых говорилось в прим. 24).

Таково, безусловно, состояние особого современного культурного порядка языка, при котором живем все мы, см.: (Silverstein, 1996c) и при котором,

²⁵ Здесь я отсылаю к области исследования того, что можно назвать «корреляционной социолингвистикой отклонений», которую развил из числовых операционализаций теоретических традиций Андре Мартине и Уриеля Вайнрайха Лабов (Labov, 1966; 1972a; 1972b) и весьма успешно применявшейся к языковым сообществам в состоянии стратифицированной и гегемонистской стандартизации и к некоторым речевым сообществам, находящимся в точке их пересечения. Во всех этих исследованиях «оценочная» и «установочная» ориентация пользователей на отклонения в форме изучаемого языка составляет неотъемлемую часть проекта определения значимости отклонения и сама по себе показывает второстепенные сопутствующие отклонения установочных и поведенческих границ при рассмотрении по демографическим и иным измерениям. Краткий обзор исследований «языковых установок» см.: (Fasold, 1984. P. 147–179).

как давно было отмечено Блумфилдом (Bloomfield, 1987b), многие говорящие на языках таких культурных порядков не могут даже представить себе других языковых явлений, например, бесписьменных «языков», «языков» без стандартов и так далее. Поскольку такие субъективности свойственны культурам стандарта, само понятие «языка» покоится на установлении различных атрибутов стандартизации, например, знания стандартного регистра, грамматик, словарей и справочников, авторитетных суждений о «правильности», выносимых в определенных институциональных местах власти над дискурсом, и так далее. В культурах стандарта формы языка, которым этого в значительной степени не достает, сводятся к некоторой классификационной категории, отличной от «языка»²⁶.

Конечно, Андерсон способен представить возможность существования иных разновидностей культурных порядков языка. Так, например, он считает функциональными предшественниками национальных языков литургические и династические языки (замечая при этом, что, чем они «мертвее, тем лучше» [Андерсон, 2001. С. 37]), языки, связанные через свою космическую и ритуальную ось авторитета (посредством литургического воображения или воображения божественного права) с символическими центрами, а отсюда — с абсолютной и необходимой космической «Истиной» в областях за пределами эмпирической реальности. Само «высказывание» в таком порядке языкового употребления всегда зависит от положения по отношению к литургической или королевской власти. По Андерсону, в основных функциональных отношениях новый порядок националистических языков сменяет более ранние, так что «высказывание» представляет собой функцию участия в общем «реалистическом» воображении идентичности в пространствах повествования, опосредованных рыночной формой текстуально-артефактной товаризации.

Но андерсоновское воображение этой функциональной замены на высказывания, разрешенного к дискурсивному использованию, привело к забвению процессов — институциональных, социосемиотических, идеологических, — благодаря которым возникают дискурсивные режимы и благодаря которым они расцветают и охватывают субъективности простых людей. Конечно, так же как в литургических и династических режимах разреше-

²⁶ Современное присутствие этой культурной формы можно наблюдать в экстраординарных публичных «дебатах» 1996–1997 годов относительно так называемого *Ebonics*, то есть того, что лингвисты называют афро-американским разговорным (нестандартным) английским (African-American Vernacular English — AAVE). Школьный совет в Окленде, штат Калифорния, в конце 1996 года решил выступить за признание его существования и даже за терпимое отношение к нему в классах с говорящими на нем учащимися. Довольно любопытна система аргументации противников AAVE, выступавших за возвращение к культуре стандарта. С одной стороны, они утверждали, что AAVE не мог быть «языком», потому что если бы он им был, он имел бы свою литературу и подчинялся грамматическим предписаниям/запретам, но, как всем известно, этот «уличный язык» невоспитанных и неграмотных состоит из одних «ошибок». С другой стороны, разрешение использования AAVE в классах было бы явным нарушением табу относительно того, что только стандартный регистр может насаждаться в священных классных комнатах и только на стандартном языке следует писать и издавать что бы то ни было. Поэтому AAVE не «язык», а утверждение обратного представляет серьезную — возможно, даже идеологическую — опасность!

ния дискурсивного высказывания, новые формы языка националистического сообщества (особенно основанного на стандартизации посредством буржуазных институтов) опираются на те же виды осуществления власти и контроля, что и остальные политические режимы. Развитие уорфовской социолингвистической и диалектической мысли о процессуально новом и «метафизическом» содержании по отношению к самому дейксису проясняет, насколько сложной была борьба, которая велась во многих институциональных областях и завершилась националистическим признанием андерсоновского «мы» в каждом отдельном эмпирическом случае и вытеснением других возможных дейксисов.

Лингвистическая практика (и символическая практика вообще) при стандартизации оказывается спорным по своей сути порядком социокультурной реальности. Поэтому ошибка Андерсона заключалась в проецировании одной особой производной дискурсивной лингвистической формы, объективного реалистического повествования с его особыми дейктическими предпосылками, на весь гомогенный культурный порядок субъективности. Поскольку рассматриваемая лингвистическая практика сосредоточена, по сути, на категории лица, рассматриваемое объективное реалистическое «высказывание» зависит от картирования двух оснований, так что индексированные (вызванные) идентичности относительных ролей отправителя/получателя/референта (в системе событий повествования) и идентичности обозначенных действующих лиц (в системе повествуемых событий) могут сочетаться друг с другом в некоей «стандартной» идентичности – возможно, несуществующей «средней стандартной» идентичности, в частности, олицетворяемой человеком, говорящим на стандартном регистре «языка». Все процессы политической (не)стабильности (безусловно, гегемонистской) стандартизации и ее всесторонние институциональные последствия (когда формы многообразия должны по крайней мере быть правильно оценены пронизательным культурным сознанием, если не полностью подавлены) выпадают из андерсоновского описания революции в метафизике «мы»-идентичности. Таким образом, Андерсон рассматривает синхроническую (или функциональную) денотативную лингвистическую практику авторитетного и самопровозглашенного дейктического «мы». На самом деле, ни слова не говоря обо всех спорах и социальной истории, он открыто утверждает необходимость существования порядка воображаемой гомогенной идентичности в соответствующем дискурсивном пространственно-временном континууме «нации» (то есть языкового сообщества, построенного по гегемонистскому стандарту), в котором проживают носители языка.

По-видимому, товаризованный язык – язык, товаризованный печатным капитализмом, – представляет собой, по Андерсону, условие переживания этой одновременности/последовательности в воображаемом сообществе пустого, гомогенного пространства/времени. Он говорит, что в этом товаризованном порядке происходит возникновение естественного «голоса» самости, голоса, который является культурным сознанием себя/другого, наподобие того, что описано в «Заметках об английской прозе 1780–1850 годов» Раймонда Уильямса (Williams, 1983) и работе «Слово в романе» Миха-

ила Бахтина (Бахтин, 1975. С. 72–233). Андерсон хочет распространить культурное сознание националистического воображения с «субстанции», «пространства» и «времени», создаваемых по описанной Уорфом правдоподобной культурной аналогии, на иную область, наш образ проживания – или воображения себя проживающими – в социальном мире группы с миллионами других людей, с которыми мы никогда не взаимодействовали. С уорфианской точки зрения, «мы» – это подходящий троп, структурирующий само наше сознание индивидуальности в социальном порядке, но его необходимо тщательно деконструировать с тем, чтобы обнаружить его социоцентрическую сконструированность в качестве культурного понятия.

Проживание тропа

Нужно вспомнить, что Уорф противопоставляет две точки зрения на проблему того, каким образом язык (структура и дискурс) связывает мысли и вещи. Первая – это «мир обыденного мышления», например, ньютоновского пространства-времени. Уорф считает его сложной производной, частично выводимой по аналогии понятийной ориентации, абсолютно «реальной» для людей, у которых она появляется. Ведь культурное сознание носителя языка SAE производит проекцию гомогенной и жесткой системы, математически метрического пространства, наполненного объектами и событиями в определенных измеримых местах. Мы открываем и утверждаем этот мыслительный мир для себя самих всякий раз, когда используем манеру речи о чем-то в «пространстве» и «времени».

Такой мыслительный мир противопоставляется Уорфом тому, что обнаруживается в результате систематического грамматически-категориального исследования. Поскольку, с этой точки зрения, пространство-время грамматически рассматривается в терминах асимметрично измеримых противопоставлений – «маркированные» и «немаркированные» ценности, – которые в довольно эластичных границах относительно индексируются и потом обозначаются при помощи формальных категорий пространственно-направительного и временного дейксиса. Во всяком случае эти категории связывают бинарное различие близкого/далекого в радикальной геометрической организации дейксиса относительно постоянно смещающегося, постоянно меняющегося «здесь и сейчас» дискурсивного события в развертывании. Мысль Уорфа о том, что говорящие на языке SAE в действительности культурно воссоздают мир, индексированный таким дейксисом с точки зрения скаляризации «пространства» и «времени», которые представляют собой локальные культурные производные. Дейктический мир в перспективе сравнительной лингвистики, считающийся теоретически допустимым в грамматической системе SAE, и процессы, благодаря которым возникают культурные понятия SAE, непрозрачны для типичного носителя языка SAE.

Уорф предлагает теорию о том, что такие процессы производства мира мышления локальной культуры связаны со сложной диалектикой. Чтобы описать диалектические моменты, он стремится показать различие между, во-первых, денотативно-структурным состоянием языка как референциаль-

ного и предикативного коммуникативного механизма в практических, институциональных контекстах обсуждения и общим когнитивным функционированием и, во-вторых, работой мышления в таких условиях, которые ее рационализируют, находя «соответствие» или прозрачность между тропом реальности, определяемым и проговариваемым в особом контекстуально-специфическом употреблении, и всякой систематически кодируемой реальностью, которая может лежать за ней²⁷.

В отличие от него Андерсон, по-видимому, ошибочно принимает диалектически созданный троп «мы» за реальность. Кажется, он не понимает, что диалектическая работа политических процессов, которые создают общее пространство реалистического повествования в стандартизованном языке, сама нуждается в описании и объяснении. Он описывает националистическое сознание как, по сути, изоморфное и возникающее из опосредованного печатным капитализмом режима стандартизации в языковом сообществе с публичной сферой коммуникации, рационализированной рынком. Он стремится вывести националистическое культурное сознание из этого состояния, поскольку теперь вообразимое и потому воображаемое существование явно ньютоновских индивидов подвергается индексации и денотации через «высказывание» в ролевых положениях, называемых нами *я/мы, ты/вы, он/она/оно/они*.

Как отмечали Бахтин и Уильямс, одним из великих достижений того, что мы можем назвать «националистическим» литературным воображением, представляющим собой разновидность коллективной саморепрезентации, является так называемый реалистический роман, например, «Не прикасайся ко мне» Рисаля. В такой работе множество слоев реалистически описанного общества находит свой повествовательный лингвистический троп в соответствующей «полифонии» высказывания, которая зависит от использования языкового «разноречия» на пользу тропам²⁸. «Реалистический» роман, подобно пирсовской карте на островном песке, представляет собой об-

²⁷ Более того, с точки зрения Уорфа, систематически кодируемая реальность доступна методам хорошо подготовленного, если не рядового боасовско-блумфилдского лингвиста, для которого, по иронии судьбы, сравнительно-типологическое моделирование грамматических категорий служит ключом к миру осмысляемых и передаваемых различий.

²⁸ Термин «разноречие» используется Бахтиным (Бахтин, 1975) для описания постоянно меняющихся условий использования языка в языковом сообществе различными людьми, обнаруживающими характерные особенности вербального поведения. «Полифония», понимаемая по аналогии с музыкальным термином, представляет собой одновременно игру множества «голосов», то есть социальных взглядов на развертывание событий повествования, которые автор, выступающий в роли словесного композитора, может использовать в качестве художественного средства. Сложная полифония в таком повествовательном искусстве, как роман, позволяет писателю, говорящему от лица автора, переходить в сам мир, выступая в качестве обычного человека, обладающего узнаваемыми особенностями социальной принадлежности. В то же самое время полифония, проявляющаяся в сознательном смешении писателем особенностей речи одной или нескольких групп или категорий людей в одном или нескольких сообществах, может быть использована в качестве тропа соперничающих взглядов, которые, по крайней мере с точки зрения несколько идеалистического Бахтина, свойственны современному обществу. По Бахтину, который предлагает свою дискурсивную «транслингвистику» в качестве альтернативы дюркгеймианству Соссюра и всей структурной абстрактной лингвистике, полифония свойственна каждому языковому сообществу, даже сообществу с жесткой стандартизацией: с его точки зрения, язык оказывается «полифоническим» сверху донизу.

разчик правдоподобной реальности, которая одновременно отображается и высказывается. Таким образом, объективный авторский голос, который призывает нас отождествить себя с ним, а не с голосом какого-то действующего лица, становится голосом объективного и обыденного социального наблюдения и суждения, голосом отовсюду и ниоткуда, олицетворяемым, по Бахтину и Уильямсу, Диккенсом. Напротив, троп, на который обращает наше внимание Андерсон, на самом деле кажется ему не просто тропом.

Однако как еще объяснить «модуляризацию» национализма, которую Андерсон замечает в династических национальных государствах XIX века и официальных национализмах колониальных и постколониальных порядков? По иронии судьбы, Андерсон говорит об ошибочности попыток «трактовать языки так, как трактуют их некоторые националистические идеологии — а именно, как *внешние символы национальности*, стоящие в одном ряду с флагами, костюмами, народными танцами и прочим» (Андерсон, 2001. С. 152)²⁹. Тем не менее приводимые им примеры, в сущности, отражают организованную текстуальность в открыто ритуальных контекстах и канонических литературных формах, которые, как нам теперь понятно, должны составлять сущность того, что язык и дискурсивное высказывание разрешаются и оправдываются своим дюркгеймовским ритуальным центром, образующим в этих государствах еще и ритуальную вершину и центр). Вот пример, который Андерсон приводит в качестве подтверждения (Андерсон, 2001. С. 162–163):

Обращает на себя внимание изначальная данность языков, причем даже тех, которые мы знаем как современные. Никто не может сказать, когда тот или иной язык родился. Каждый смутно проявляется из бесконечного прошлого... Таким образом, языки в нынешних обществах оказываются укоренены глубже, чем что бы то ни было. В то же время ничто, как язык, не связывает нас эмоционально с умершими. Когда люди, говорящие по-английски, слышат слова «Earth to earth, ashes to ashes, dust to dust», сказанные почти четыре с половиной столетия тому назад, они получают призрачное ощущение одновременности наперекор гомогенному, пустому времени. Весомость этих слов лишь частично вытекает из их возвышенного смысла; она также вытекает из их как бы прототипической «английскости».

Во-вторых, есть особый род общности современников, создаваемый одним только языком — прежде всего в форме поэзии и песен. Возьмем для примера исполнение государственных гимнов по случаю государственных праздников. Как бы ни были банальны слова и заурядны музыкальные звучания, в этом пении есть переживание одновременности. Именно в такие мгновения люди, совершенно друг другу незнако-

²⁹ Вспомним, что внешний символ, который служит конвенциональным иконическим индексом того, что он представляет, в качестве индекса, указывающего на его существующий объект на основании обычной системы натурализованных представлений о сходстве между текстовыми знаками и объектами, обозначаемыми этими текстовыми знаками. Так, считается, что американский флаг состоит из красного («храбрость, доблесть»), белого («искренность, непосредственность») и синего («верность, преданность») цветов, (белых) звезд на (синем) небе, схематично помещенных — «плавающих» — над (красной и белой) обработанной землей. Точно также сова Афины со временем стала очевидным внешним символом «мудрости» в западном мире, и все совиные черты стали символическими декоративными средствами для визуального отображения личных качеств. Отметим динамическую интертекстуальность символического отображения, которая приводит к возникновению манер речи, основанных на существовании символических текстовых знаков.

мые, произносят одни и те же стихи под одну и ту же мелодию. Образ: пение в унисон*. Пение «Марсельезы», «Вальса Матильды» или «Индонезия Райа» дает повод для унисонного соединения голосов, для отдающегося эхом физического осуществления воображенного сообщества. (То же самое происходит, когда люди слушают декламацию церемониальной поэзии, например, разделов из «Книги общей молитвы» [и, быть может, чуть слышно одновременно их повторяют]). Насколько бескорыстным выглядит это пение в унисон! Когда мы сознаем, что другие поют эти песни точно тогда же, когда и мы, и точно так же, как мы, у нас нет ни малейшего представления о том, кто такие эти люди и даже где — за пределами нашей слышимости — они поют. Ничто не связывает всех нас, кроме воображаемого звука.

* Сравните это хоровое пение *a capella* с языком повседневной жизни, который типичным образом переживается на манер *декани/канторис* как диалог и обмен.

Отметим значение, которое язык в его текстовом осуществлении приобретает в рассуждениях Андерсона. Язык — это внешний символ преодоления диакронии, растворяющийся в бесконечно древнем прошлом. Мы осознаем это, что любопытно, в высоко ритуализированном контексте текстового знака похоронной службы, в которой живые и мертвые индексально связываются прозаическими сущностями, прахом и тленом, которые приобретают мистические качества, ведущие к возникновению национальности («английскость») и духовной связи в англиканской церкви. И вновь язык оказывается символом одновременности обживания гомогенного националистического времени-пространства, символом преодоления социальной дифференциации, осуществляющимся в дискурсивной форме «пения в унисон» — создания, по сути, одного «голоса» — в случае пения гимнов или коллективного чтения молитв — или, можно было бы добавить, принесения присяг флагам как националистическим символам. Тем не менее его аргументация касается голоса «мы» объективного реалистического повествования посредством рыночной формы распространения текстовых артефактов печатного капитализма.

Здесь мы наблюдаем диалектику, обнаруживаемую в сложном языковом сообществе, наподобие новых стандартизованных сообществ, которые составляют предмет рассуждений Андерсона. Политическая — и политэкономическая! — сила такого использования ритуализованного языка в процессуальном центре и вершине социальных формаций заключается в возможности

³⁰ Я уже излагал идею этой диалектики текстуально-ритуального оправдания или обоснования индексальности и идеологически оправданной или обоснованной индексальной ценности дискурсивного языка, см. особ.: (Silverstein, 1996b; 1998); см. также: (Silverstein, 1979; 1993; 1996c). Используемая мной диалектическая модель позволяет понять множество открытых эмпирических путей и описанных в современной литературе по лингвистической антропологии и социолингвистике языковых явлений в социокультурных формациях. Например, Бриннис (Brenneis, 1984) приводит поразительные данные о том, что брань у мужчин составляет своеобразный анти- или контрритуал (когда символическое использование языка осуществляется в максимально ненормативной форме, мало чем отличающейся от «выражений» афроамериканских мужчин; см.: (Abrahams, 1974), перформативно определяющий и обосновывающий возникновение в будущем политической фракционности в небольшом обществе, которое во всех остальных отношениях является «эгалитарным», см. также: (Besnier, 1989). В работе Джейн и Кеннета Хилл о «мексиканском» языке (науатль) в области вулкана Малинче (Hill and Hill, 1978; 1980; J. Hill, 1998; см. также: Silverstein, 1998. P. 132–133) также описываются некоторые примеры ритуализованного употребления языка — гиперстилизованные взаимные

оправдания или разрешения в воображаемом сообществе стандартизации диаметральной противоположности ритуального текста: «буквального, случайного или свободного» употребления языка в описательной, повседневной и разговорной речи, а также в объективном реалистическом повествовании³⁰. Режим языка, от которого зависит такая диалектика, зачастую представляет собой хрупкий социально-политический порядок, пропитанный спорами, вызванными действительным многоязычием, разноречием и другими индексами, по крайней мере, потенциально фундаментальных политико-экономических конфликтов. Такой режим языка, однако, подпитывается и в каком-то смысле поддерживается при помощи ритуально-символического тропа «мы». Он предстает таким у Андерсона, который принимает этот троп за очевидную воображаемую «реальность».

Перевод с английского Артема Смирнова

Библиография

Abrahams R. *Black Talking on the Streets // Explorations in the Ethnography of Speaking* / Ed. by R. Bauman and J. Sherzer. Cambridge: Cambridge University Press,

приветствия *compadres* – как воображаемого (хотя иногда и спорного) обосновывающего центра всей индексальной стратификации испанского языка и различных вариантов «чистого» наутля в многоязычном сообществе. Сьюзен Гэл (Gal, 1998) отмечает спорную сторону идеологий, которые перформативно подтверждаются в ритуале, например государственных ритуалах наподобие официальных похорон (Gal, 1991). В работе «Языковые идеологии: практика и теория» (Schieffelin, Woolard and Kroskrity, 1998) можно прочесть о множестве различных проявлений этой широкой диалектики.

По отношению к стандартизованным языковым сообществам, в частности, подобных тем, что существуют в Западной Европе и многих бывших европейских колониях, в проблемах отношений между ритуализованной формой участия в режимах стандартизации следует проводить различие – чего не делает Андерсон – между институциональными контекстами символизации языка в националистических целях (где даже в одноязычном сообществе ритуальный текст действительно становится подобным флагу) и теми институциональными контекстами, которые более непосредственно обосновывают ценность своей описательной прозаической формы (отсюда возникновение регистра жанра и «стиля»). Следует также обратить внимание на восхитительное идеологическое обоснование сан-францисского антимногоязычного «Предложения “О”» у Уолард; из описания Уолард становится ясно, что для многих представителей «рациональных» и не особенно «патриотических» леволиберальных элит две проблемы – участвующего демократического патриотизма (например, на выборах) и описательного прозаического употребления в английском языке – составляют одну. Вообще, как было отмечено Бурдьё (Bourdieu, 1991. P. 43–102; см. также: Silverstein 1996b, 1996c), признанный стандартный регистр связан с символическими и ритуальными индексами принадлежности к привилегированным группам на вершине и в центре социальных формаций, которые самостоятельно обосновывают и определяют такое членство. Как показали исследования высокообразованных режимов стратифицированной стандартизации, проведенные Лабовым (Labov, 1966; 1972b) и другими, даже буржуазное представление об индексации использования стандартного регистра верхушки и центра оказывается «ложным» и представляет собой как бы «неузнавание» лабовской «гиперкоррекции» – слишком сильное стремление говорящих соответствовать стандарту «правильной» речи – у широких слоев, не принадлежащих к верхушке и центру конически выстроенного пространства стратификации.

1974. P. 240–262, 461.
- Besnier N. Information Withholding as a Manipulative and Collusive Strategy in Nukulae-lae Gossip // *Language in Society*. 18. 1989. P. 315–341.
- Besnier N. Literacy, Emotion, and Authority: Reading and Wrihting ona Polynesian Atoll. New York: Cambridge University Press, 1995.
- Bloomfield L. A Set of Postulates for the Science of Language // *A Leonard Bloomfield Anthology* / Ed. by C.F. Hockett. Chicago: Chicago University Press, 1987a. P. 70–80.
- Bloomfield L. Literate and Illiterate Speech // *A Leonard Bloomfield Anthology* / Ed. by C.F. Hockett. Chicago: Chicago University Press, 1987b. P. 84–93.
- Bloomfield L. Language or Ideas? // *A Leonard Bloomfield Anthology* / Ed. by C.F. Hockett. Chicago: Chicago University Press, 1987c. P. 220–226.
- Bloomfield L. Review of *La Nueva Filologia*, by Morris Swadesh // *A Leonard Bloomfield Anthology* / Ed. by C.F. Hockett. Chicago: Chicago University Press, 1987d. P. 220–226.
- Boas F. Introduction // *Handbook of North American Indian Languages* / Ed. by F.Boas. Part 1. Bulletin of the Bureau of American Ethnology. Vol. 40. Washington, DC: U.S. Government Printing Office.,1911. P. 1–83.
- Boas F. *Anthropology and Modern Life*. New York: W.W. Norton & Co.? 1928.
- Boas F. *The Classification of American Languages* // *Race, Language, and Culture*. New York: Macmillan, 1940a. P. 211–218.
- Boas F. *The Classification of American Languages* // *Race, Language, and Culture*. New York: Macmillan, 1940b. P. 219–225.
- Bourdieu P. *Language and Symbolic Power*. Cambridge: Harvard University Press, 1991.
- Brenneis D. Grog and Gossip in Bharagaon: Style and Substance in Fiji Indian Conversation // *American Ethnologist*. 11. 1984. P. 487–507.
- Bull W. *Time, Tense, and Verb: A Study in Theoretical and Applied Linguistics with Particular Attention to Spanish* // *Linguistics*. Vol. 19. Berkley and Los Angeles: University of California Press, 1960.
- Crosby A.W. *The Measure of Reality: Quantification and Western Society*. Cambridge: Cambridge University Press, 1997. P. 1250–1600.
- Dohrn-van Rossum G. *History of the Hour: Clocks and the Modern Temporal Orders*. Thomas Dunlap, trans. Chicago: Chicago University Press, 1996.
- Gal S. Bartok's Funeral: Representations of Europe in Hungarian Political Rethoric. // *American Ethnologist*. 18. 1991.P. 440–458.
- Gal S. Multiplicity and Contention among Language Ideologies: A Commentary. // *Language Ideologies: Practice and Theory*. / Ed. by B.B. Schieffelin, K.A. Woolard and P.V. Kroskrity. New York: Oxford University Press, 1998. P. 317–331.
- Garvin P.L. *The Standard Language Problem: Concepts and Methods* // *Language in Culture and Society: A Reader in Linguistics and Anthropology* / Ed. by D.Hymes. New York: Harper & Row, 1964. P. 521–523.
- Garvin P.L. A Conceptual Framework for the Study of Language Standardization // *International Journal of Sociology of Language*. 100/101. 1993. C. 37–54.
- Garvin P.L. and Madeleine M. *The Urbanization of the Guarani Language: A Problem in The Language and Culture* // *Readings in the Sociology of Language* / Ed. by J.A. Fishman. Hague: Mouton, 1968. P. 365–374.
- Gellner E. *Thought and Change*. London: Weidenfeld and Nicholson, 1964.
- Gellner E. *Encounters with Nationalism*. Oxford: Blackwell, 1994.
- Goffman E. Footing // *Semiotica*. 25. 1979. P. 1–29.

- Goody J. Introduction // *Literacy in Traditional Societies* / Ed. by J. Goody. Cambridge: Cambridge University Press, 1968. P. 1–26.
- Goody J. and Watt I. The Consequences of Literacy // *Literacy in Traditional Societies* / Ed. by J. Goody. Cambridge: Cambridge University Press, 1968. P. 27–68.
- Havranek B. The Functional Differentiation of the Standard Language // *A Prague School Reader on Esthetics, Literary Structure, and Style* / Ed. by P.L. Garvin. Washington, DC: Georgetown University Press, 1964. P. 3–16.
- Heath S.B. Standard English: Biography of a Symbol // *Standards and Dialects in English* / Ed. by T. Shopen and J.M. Williams. 1980. P. 3–32.
- Hibbard S. Whorf and Scientific Relativity: The Influence of the Theory of Physical Relativity on Benjamin Lee Whorf's Linguistics. M.A. Paper, Master of Arts Program in the Social Sciences, University of Chicago, 1991.
- Hill J. «Today There Is No Respect»: Nostalgia, «Respect», and Oppositional Discourse in Mexicano (Nahuatl) Language Ideology // *Language Ideologies: Practice and Theory.* / Ed. by B.B. Schieffelin, K.A. Woolard and P.V. Kroskrity. New York: Oxford University Press, 1998. P. 103–122.
- Hill J.H. and Hill K.C. Honorific Usage in Modern Nahuatl: The Expression of Social Distance and Respect in the Nahuatl of the Malinche Volcano Area // *Language.* 54. 1978. P. 123–155.
- Hill J.H. and Hill K.C. Mixed Grammar, Purist Grammar, and Language Attitudes in Modern Nahuatl. *Language in Society* 9: (1980). 321–348.
- Koerner E.F.K. The Sapir-Whorf Hypothesis: A Preliminary History and a Bibliographical Essay. *Journal of Linguistic Anthropology.* 2. 1992. P. 173–198.
- Kripke S. Naming and Necessity // *Semantics of Natural Languages.* 2nd ed. / D. Davidson and G. Harman. Dordrecht: D. Reidel Publishing Co., 1972. P. 253–355, 763–769.
- Kula W. *Measures and Men.* Richard Szepter, trans. Princeton: Princeton University Press, 1986.
- Labov W. *The Social Stratification of English in New York City.* Washington, DC: Center for Applied Linguistics, 1966.
- Labov W. *Language in the Inner City: Studies in the Black English Vernacular.* Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1972a.
- Labov W. *Sociolinguistic Patterns.* Philadelphia University of Pennsylvania Press, 1972b.
- Landes D.S. *Revolution in Time: Clocks and the Making of Modern World.* Cambridge: Harvard University Press, 1983.
- Lenneberg E.H. Cognition in Ethnolinguistics // *Language.* 29. 1953. P. 463–471.
- Lucy J.A. Whorf's View of the Linguistic Mediation of Thought // *Semiotic Mediation: Sociocultural and Psychological Perspectives* / Ed. by E. Mertz and R.J. Pamentier. Orlando: Academic Press, 1985. P. 73–97.
- Lucy J.A. *Grammatical Categories and Cognition: A Case Study of the Linguistic Relativity Hypothesis.* Cambridge: Cambridge University Press, 1992a.
- Lucy J.A. *Language Diversity and Thought: A Reformulation of the Linguistic Relativity Hypothesis.* Cambridge: Cambridge University Press, 1992b.
- Lucy J.A. and Wertsch J.V. *Vygotsky and Whorf: A Comparative Analysis // Social and Functional Approaches to Language and Thought.* Orlando: Academic Press, 1987.
- Peirce C.S. *Collected Papers of Charles Sanders Peirce* / Ed. by C. Hartshorne and P. Weiss (vols. 1–6); A.W. Burks (vols. 7–8). Cambridge: Harvard University Press/Belknap

- Press, 1931–1958.
- Pinker S. *The Language Instinct: How the Mind Creates Language*. New York: William Morrow & Co., 1994.
- Putnam H. *The Meaning of «Meaning»* // *Philosophical Papers*, vol. 2: *Mind, Language, and Reality*. Cambridge: Cambridge University Press, 1975. P. 215–271.
- Putnam H. *The Many Faces of Realism*. La Salle, IL: Open Court Publishing Co., 1987.
- Rollins P.C. *Benjamin Lee Whorf: Transcendental Linguistic*. Ph.D. diss., Program in American Studies, Harvard University, 1972.
- Rollins P.C. *Benjamin Lee Whorf: Lost Generation Theories of Mind, Language, and Religion*. Ann Arbor: University Microfilms International for popular Culture Association. 1980.
- Schieffelin B.B., Woolard K.A. and Kroskrity P.V., eds. *Language Ideologies: Practice and Theory*. New York: Oxford University Press, 1998.
- Shaklee M. *The Rise of Standard English* // *Standards and Dialects in English* / Ed. by T. Shopen and J.M. Williams. Cambridge, MA: Winthrop Publishers, 1980. P. 33–62.
- Silverstein M. *Review of The View from Language: Selected Essays, 1948–1974*, by C.F. Hockett // *International Journal of American Linguistics*. 44. 1978. P. 235–253.
- Silverstein M. *Language Structure and Linguistic Ideology* // *Elements: A Parasession on Linguistic Units and Levels* / Ed. by P.R. Clyne, W.F. Hanks and C.L. Hofbauer. Chicago: Chicago Linguistic Society, 1979. P. 193–247.
- Silverstein M. *The Diachrony of Sapir's Synchronic Linguistic Description; or, Sapir's «Cosmographical» Linguistics* // *New Perspectives in Language, Culture, and Personality: Proceedings of the Edward Sapir Centenary Conference* / Ed. by W. Cowan, M.K. Foster, K. Koerner. Amsterdam: John Benjamins, 1986. P. 67–110.
- Silverstein M. *Metapragmatic Discourse and Metapragmatic Function* // *Reflexive Language: Reported Speech and Metapragmatics* / Ed. by J.A. Lucy. Cambridge: Cambridge University Press, 1993. P. 33–58.
- Silverstein M. *Monoglot «Standard» in America: Standardization and Metaphors of Linguistic Hegemony* // *The Matrix of Language: Contemporary Linguistic Anthropology* / Ed. by D. Brenneis and R. Macaulay. Boulder: Westview Press, 1996a. P. 284–306.
- Silverstein M. *Encountering Languages and the Language of Encounter* // *North American Ethnohistory*. *Journal of Linguistic Anthropology*. 6. 1996b. P. 126–144.
- Silverstein M. *Indexical Order and the Dialectic of Sociolinguistic Life* // *Proceedings of the Third Annual Symposium About Language and Society – Austin* / R. Ide, R. Parker and Y. Sanaoshi. *Texas Linguistic Forum*. Vol. 36. Austin: University of Texas Department of Linguistics, 1996c. P. 266–295.
- Silverstein M. *The Uses and Utility of Ideology: A Commentary* // *Language Ideologies: Practice and Theory* / B.B. Schieffelin, K.A. Woolard and P.V. Kroskrity. New York: Oxford University Press, 1998. P. 317–331.
- Smith A.D. *Theories of Nationalism*. 2nd ed. New York: Holmes and Meier, Publishers, 1983.
- Smith M.V. *Linguistic Relativity: On Hypothesis and Confusions* // *Communication and Cognition*. 29. 1996. P. 65–90.
- Spier L., Hallowell A.I. and Newman S.S., eds. *Language, Culture, and Personality: Essays in Memory of Edward Sapir*. Menasha, WI: Sapir Memorial Publication Fund, 1941.
- Stewart W.A. *A Sociolinguistic Typology for Describing National Multilingualism* // *Readings in the Sociology of Language* / J.A. Fishman. The Hague: Mouton, 1968.
- Street B.V. *Literacy in Theory and Practice*. New York: Cambridge University Press, 1984.

- Street B.V., ed. *Cross-Cultural Approaches to Literacy*. New York: Cambridge University Press, 1993.
- Whorf B.L. The Hopi language, Toreva Dialect. In Harry Hoijer et al. // *Linguistic Structures of Native America*. Viking Fund Publications in Anthropology. Vol. 6. New York: Viking Fund, Inc., 1946a. P. 158–183.
- Whorf B.L. The Milpa Alta Dialect of Aztec. In Harry Hoijer et al. // *Linguistic Structures of Native America*. Viking Fund Publications in Anthropology. Vol. 6. New York: Viking Fund, Inc., 1946b. P. 367–397.
- Whorf B.L. *A Linguistic Consideration of Thinking in Primitive Communities // Language, Thought and Reality* / Ed. by J.B. Carroll. Cambridge: MIT Press, 1956a. P. 65–86.
- Whorf B.L. Some Verbal Categories of Hopi // *Language, Thought and Reality* / J.B. Carroll. Cambridge: MIT Press, 1956b. P. 112–124.
- Whorf B.L. Gestalt Technique of Stem Composition in Shawnee // *Language, Thought and Reality* / Ed. by J.B. Carroll. Cambridge: MIT Press, 1956c. P. 160–172.
- Whorf B.L. Linguistics as an Exact Science // *Language, Thought and Reality* / J.B. Carroll. Cambridge: MIT Press, 1956d. P. 220–232.
- Williams R. *Notes on English Prose, 1780–1950 // Writing in Society*. London: Verso, 1983. P. 67–118.
- Woolard K.A. Sentences in the Language Prison: The Rhetorical Structuring of an American Language Policy Debate // *American Ethnologist*. 16. 1989. P. 268–278.
- Андерсон Б. *Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма*. М.: КАНОН-пресс Ц, Кучково поле, 2001.
- Барт Р. *Основы семиологии // От структурализма к постструктурализму*. М.: Прогресс, 2000. С. 247–312.
- Бахтин М. *Вопросы литературы и эстетики*. М.: Художественная литература, 1975.
- Блумфилд Л. *Язык*. М.: Прогресс, 1968.
- Вайнрайх У. *О семантической структуре языка // Новое в лингвистике*. Вып. 5. М.: Издательство иностранной литературы, 1970. С. 175–196.
- Геллнер Э. *Нации и национализм*. М.: Прогресс, 1991.
- Куайн У. *Онтологическая относительность // Современная философия науки*. М.: Наука, 1994. С. 23–35.
- Куайн У. *Слово и объект*. М.: Праксис, 2000.
- Ле Гофф Ж. *Другое Средневековье: время, труд и культура Запада*. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2000.
- Сепир Э. *Культура, подлинная и мнимая // Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии*. М.: Прогресс – Универс, 1993а. С. 465–493.
- Сепир Э. *Статус лингвистики как науки // Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии*. М.: Прогресс – Универс, 1993б. С. 259–265.
- Сепир Э. *Язык. Введение в изучение речи // Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии*. М.: Прогресс – Универс, 1993в. С. 25–203.
- Уорф Б.Л. *Лингвистика и логика // Новое в лингвистике*. Вып. I. М.: Издательство иностранной литературы, 1960а. С. 44–60.
- Уорф Б.Л. *Наука и языкознание // Новое в лингвистике*. Вып. I. М.: Издательство иностранной литературы, 1960б. С. 169–182.
- Уорф Б.Л. *Отношение норм поведения и мышления к языку // Новое в лингвистике*.

Вып. I. М.: Издательство иностранной литературы, 1960в. С. 135–168.
Уорф Б.Л. Грамматические категории // Принципы типологического анализа языков различного строя. М.: Наука, 1972. С. 44–60.